

Кара-Мурза Е. С.
Москва, Россия

**ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА
КАК ПРОЦЕДУРА
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ**

УДК 81'371

ГСНТИ 16.01.21, 16.21.27

Аннотация. Кратко охарактеризована лингвистическая экспертиза – сравнительно новая разновидность судебных экспертиз, герменевтическая процедура, интерпретирующая содержательную сторону текстов, воспринимаемых как речевые преступления. Показано, какие речевые преступления реализуются в политическом дискурсе и какие специфичны для него. Изложены алгоритмы лингвоэкспертного анализа и продемонстрированы лингвистические показатели основных речевых преступлений.

Ключевые слова: лингвистическая экспертиза политического дискурса, юрислингвистика, речевые преступления: диффамация, клевета, оскорбление, словесный экстремизм, нарушение правил предвыборной агитации, лингвистические показатели речевых деликтов.

Сведения об авторе: Кара-Мурза Елена Станиславовна, доцент кафедры стилистики, действительный член Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам.

Место работы: Московский государственный университет.

Контактная информация: 109003, г. Москва, ул. Моховая, д. 9, кафедра стилистики русского языка.

Kara-Murza E. S.
Moscow, Russia

**LINGUISTIC EXPERTISE
AS A PROCEDURE
OF POLITICAL DISCOURSE**

Код ВАК 10.02.19

Abstract. The summary of linguistic expertise is given – a new type of court expertise, hermeneutics, and interpretation of texts defined as speech delicts. The realization of speech delicts in political discourse is shown. The algorithms of linguistic expertise and linguistic markers of the main speech delicts are given.

Key words: linguistic expertise, forensic linguistics, speech delicts: slander, offence, verbal extremism, violation of electoral agitation rules, linguistic markers of speech delicts.

About the author: Kara-Murza Elena Stanislavovna, associate professor of the chair of stylistics, a member of linguistic experts on documentary and informational debates.

Place of employment: Moscow State University.

В отечественной политической лингвистике возникают все новые направления и исследовательские процедуры [Чудинов 2006: 5-9]. К ним можно причислить лингвистическую экспертизу конфликтных текстов (ЛЭКТ) [Кара-Мурза 2007б: 101-118]. Она представляет собой один из типов прикладных исследований, осуществляемых в рамках судебной лингвоэкспертной деятельности (другие типы судебных экспертиз – фоноскопическая, почерковедческая, автороведческая).

Применение лингвистической экспертизы конфликтных текстов предопределено таким значимым свойством дискурса – «речи, погруженной в жизнь» (по Арутюновой), как его многоступенчатое регулирование. Высшим уровнем системы речеповеденческой регуляции – разрешительного и запретительного характера – можно считать целый ряд законодательных норм, касающихся частных речевых проявлений или разных областей социальной коммуникации (в том числе журналистской, рекламной, политической) и зафиксированных в Конституции, в Гражданском и Уголовном кодексах, в профильных законах. В частности, лингвистическая экспертиза политического дискурса востребована там и тогда, когда

действия властного института или политической организации, интеракция политиков или отображение политических процессов в СМИ осуществляются или воспринимаются как противозаконные, а corpus delicti представлен речевым произведением, написанным на политическую тему, автор или персонаж которого – политическая персона в широком смысле слова: не только политики и чиновники, но и вовлеченные в политику журналисты, и политизированные массы или их отдельные представители. Ведь ответные меры, имеющие ограничительный или запретительный характер, например наложение штрафа на издание или прекращение его выпуска за экстремистские выступления или в связи с незаконной агитацией, могут быть приняты только по суду. А для судебного расследования таких деликтов часто нужны лингвистические экспертные знания: юридических недостаточно для адекватного истолкования тонкостей коммуникативного взаимодействия или текстовой организации.

Теоретическое обоснование этой деятельности в отечественной науке предложено в ряде направлений, новейшие из которых – юрислингвистика [Голев 1999: 4-57; Голев 2007: 7-13] и судебное речеведение [Галашина 2003]; их воз-

никновение связано с активизацией в постсоветской России правоприменительной практики по так называемым речевым преступлениям (первое употребление этого термина, если не ошибаюсь, [Рождественский 1997: 494], включая информационные споры, иначе – конфликты и правонарушения в массовой коммуникации: в журналистике, предвыборной агитации, политической рекламе [Информационные споры 2002]. Речевые преступления – это правонарушения, состоящие в том, что «совершаются они посредством вербального поведения, путем использования продуктов речевой деятельности, т.е. текстов, распространяемых в средствах массовой информации. В самом тексте опубликованного или переданного в эфир материала (и только в нем самом) заключен сам *Corpus delicti*, все объективные признаки судимого деяния. Никаких других источников доказательства правонарушений по делам этой категории не существует, и только текст является главным предметом исследования и юридической оценки. В информационном споре должны быть выявлены словесные конструкции и смысловые единицы текста, подпадающие под признаки конкретного правонарушения, предусмотренного соответствующей правовой нормой» [Ратинов 1996, 2004: 104]. Речевые преступления, как и другие, проходят и по гражданскому (диффамация), и по уголовному ведомству (клевета и оскорбление, словесный экстремизм, угрозы насилия и убийства и нек. др.).

Речевые преступления совершаются в нематериальной области смыслов, сущностное свойство которых – множественность интерпретаций. Учитывать это особенно важно в тех случаях, когда истцами выступают высокопоставленные люди, а движут ими недобросовестные мотивы – наказать журналиста-разоблачителя или вытеснить соперника из политики или бизнеса. При таких обстоятельствах ЛЭ с ее методами интерпретации спорного текста предстает как единственный способ установить истину и не допустить неправоудного решения.

(1) «ДИАГНОЗ ПОДТВЕРДИЛСЯ Ставропольский журналист победил «шумного и амбициозного, но абсолютно недееспособного» губернатора в Страсбургском суде» – известила читателей «Новая газета» (№14, февраль 2007 г.)

В феврале 2002 г. губернатор Ставрополя Александр Черногоров подал в краевую прокуратуру иск против главного редактора газеты «Новый гражданский мир» Василия Красули за статью «Черногоров подбирается к Ставрополью», в которой увидел «сведения клеветнического характера» во фразе «...наш шумный и амбициозный, но абсолютно недееспособный губернатор вот-вот приберет к рукам и краевой центр». Следствие не обнаружило клевету, но журналиста обвинили в другом речевом преступлении: в том, что он, «предварительно вступив в преступный сговор с неустановленным ли-

цом с целью оскорбления представителя власти», опубликовал статью, которая содержала «выраженное в неприличной форме унижение чести и достоинства губернатора Ставропольского края А.Черногорова в связи с исполнением им своих обязанностей», и привлекли к уголовной ответственности. «Лингвистическая экспертиза, проведенная Гильдией экспертов по документальным и информационным спорам \так в «Новой газете» - Е.С.К.-М.\, не только не выявила в статье признаков клеветы и оскорбления, но и доказала уместность использования слова «недееспособный» в контексте статьи. Но суд к мнению экспертов не прислушался, хотя и проявил некоторую «гуманность», (...) признав Красулю виновным в клевете, приговорил его к лишению свободы на один год условно». Журналист подавал апелляцию в краевой суд и обращение в правительство России, но везде ему подтверждали правомерность уголовного наказания. Он подал жалобу в Европейский суд по правам человека – высшую международную правовую инстанцию, признанную и в России. ЕСПЧ счел В.Красулю невиновным, обязав Россию выплатить ему 4 тыс. евро в качестве возмещения морального ущерба. Добавлю к сказанному в «Новой газете», что Суд принял во внимание результаты лингвистической экспертизы, подготовленной экспертами ГЛЭДИС (www.rusexpert.ru).

Перед нами типичная ситуация отечественной политической коммуникации – острый информационный конфликт между крупным журналистом и губернатором, который в критической публикации в свой адрес видит личное оскорбление, тогда как правоохранительные органы трактуют журналистское выступление как уголовное преступление – оскорбление представителя власти (ст. 319 УК РФ). Лингвистическая экспертиза была задействована в этом конфликте как собственно языковедческая квалификация конфликтогенного текста. Ее задачей было определить присутствие или отсутствие лингвистических признаков данного речевого преступления. Она была осуществлена в особой – юрислингвистической – понятийной системе, на основании которой судебное решение принималось уже в собственно юридической терминологии. Суд (в данном случае – ЕСПЧ) использовал ее выводы в качестве аргумента, указав на отсутствие состава преступления в статье В. Красули.

ОБЩЕЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ КОНФЛИКТОГЕННЫХ ТЕКСТОВ. По определению Е.И. Галяшиной, обнимающему все типы этой аналитической процедуры, *лингвистическая экспертиза* – это процессуально регламентированное лингвистическое исследование устного и/или письменного текста, завершающееся дачей заключения по вопросам, разрешение которых требует специальных познаний в языкознании и судебном речеведении. Объектами экспертиз

данного вида являются единицы языка и речи, тексты, представленные на любом материальном носителе [Теория и практика судебной экспертизы 2006]. Мы же обсуждаем лингвистическую экспертизу в узком смысле термина, которую можно назвать также лингвистической экспертизой конфликтогенного текста.

С пояснением – исследование продуктов речевой деятельности – она только недавно, в 2006 г., вошла в Перечень родов (видов) экспертиз, выполняемых в судебно-экспертных учреждениях Министерства юстиции РФ и в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел. Традиционные типы экспертиз (почерковедческая и автороведческая, а также экспертиза видео- и звукозаписей, в частности, голоса, звучащей речи) служат для раскрытия разных преступлений внетекстового характера, в основном для идентификации участников правонарушений или сомнительных источников информации; но также для особого рода интеллектуальных преступлений, отображаемых в текстах, например плагиата. Они обеспечены стандартным аппаратом анализа и богатым техническим инструментарием, включая компьютерную обработку материала [Росинская 2008: 384-406]. Что касается лингвистической экспертизы конфликтогенных текстов, то ее содержание раскрывается как «исследование текста письменного документа или устного высказывания в целях решения вопросов смыслового понимания» [Галяшина 2006: 19]. Отметим, что для смыслового анализа текста в криминалистических целях используются также экспертизы на базе других гуманитарных наук: психолингвистическая [Скрытое эмоциональное содержание... 2004], литературоведческая [Белянин 2006] и др.

В филологических терминах, «решение вопросов смыслового понимания» – это герменевтика. Основные герменевтические процедуры в лингвистической экспертизе выполняются экспертами «вручную», интроспективными методами, хотя успешно применяются также количественные и инструментальные методы, особенно компьютерные [Баранов 2007]. Известный субъективизм «качественных» методов лингвистической экспертизы долгое время вызывал сомнения в юридической среде и до сих пор создает проблемы. Ведь любая экспертиза представляет собой особый источник аргументов по делу, способ обеспечения доказательности судебного процесса, и ее результаты должны иметь свойства верифицируемости и воспроизводимости. А это в немалой степени заводит от наличия общепризнанных методик исследования. Поэтому в числе первоочередных задач российских экспертных центров была разработка теоретического фундамента лингвистической экспертизы конфликтогенных текстов, понятийного аппарата и стандартных вопросов по конкретным типам речевых преступлений [Голев, Матвеева 2006: 168-185]. Хо-

тя до сих пор эту работу нельзя назвать завершенной [Осколкова 2007: 382-392].

При этом лингвистическая экспертиза конфликтогенных текстов в свою очередь достаточно широкое, «зонтичное» понятие, которое объединяет несколько приемов анализа, соотношенных с определенными правонарушениями и обеспеченных соответствующими теоретическими подходами, методическим инструментарием и терминологическими подсистемами. Лингвистическая экспертиза имеет и лингвосомиотическую оснащенность, так как ее объектами могут стать и поликодовые тексты: к числу речевых преступлений причисляются, например, и нарушения Закона «О рекламе» [Кара-Мурза 2008: 162-174]. Это разнообразие лингвистической экспертизы конфликтогенных текстов будет продемонстрировано ниже.

Герменевтический характер лингвистической экспертизы уже был предметом рефлексии [Бельчиков 2005: 15-20]. А мне хочется отметить, что ее интерпретаторские функции дополняются и осложняются посредническими и что осуществляется она в ситуации специфического лингвоправового конфликта. Он протекает как борьба интерпретаций конфликтогенного текста четырьмя сторонами конфликта: его непосредственными участниками (автором текста в роли ответчика и реципиентом в роли истца), которые выступают как «наивные толкователи», прибегающие к правовым критериям описания и понимания, и профессиональными толкователями – юристами и лингвистами. Причем из них только юристы уполномочены этот конфликт разрешить согласно законодательным нормам, но только лингвисты владеют научно обоснованными приемами выявления истинных смыслов текста и замыслов конфликтующих сторон, обнаружения «подводных течений», манипулятивных приемов, употребляемых основными сторонами конфликта. Иными словами, лингвистическая экспертиза конфликтогенных текстов – это способ добывания знаний о закономерностях создания и восприятия конфликтогенного текста, которыми лингвисты-эксперты делятся с юристами, чтобы те принимали судебные решения относительно речевых преступлений с учетом всей сложности и неоднозначности человеческой коммуникации во всех ее сферах – от быта до политики. Наличие этих признаков запрашивается в определении суда или в запросе одной из сторон и фиксируется в ответах экспертов в специальной лингвоэкспертной (иными словами – в юрислингвистической) системе понятий. Сам же приговор выносится в собственном правовом терминах судей, на котором эта ответственность лежит согласно законодательству и который принимает во внимание все доказательства, в том числе выводы лингвистической экспертизы.

В своей работе лингвогерменевты отягощены необходимостью согласования трех интерпретирующих систем анализа – юридической,

юрислингвистической и собственно лингвистической (они, конечно, частично налагаются). При этом, как и в любой судебной экспертизе, сфера ответственности экспертов-лингвистов четко определена: они исследуют конфликтные тексты на предмет выявления языковых (в широком смысле) признаков речевых преступлений и не должны оперировать юридическими понятиями: право признавать создание и/или распространение текста определенным речевым преступлением имеют именно и только судьи. А это, в свою очередь, налагает ограничения на формулировки вопросов к лингвистам-экспертам с правовой стороны конфликта и, естественно, ответов, которые на них дают лингвисты.

Предмет и объект, цели и задачи лингвистической экспертизы как направления прикладной лингвистики полностью соответствуют принципам антропоцентризма и коммуникативно-когнитивной парадигме. Ведь объектом ее исследования является конкретный текст во всем богатстве экстралингвистических параметров, от дискурсивной специфики деятельности области до особенности профессиональных или человеческих отношений коммуникантов и их личностных характеристик, – текст, в котором материализуется конфликт интересов или принципов в некоторой деятельности области (в политике, например) и который в свою очередь провоцирует дальнейшее развитие конфликта – уже в правовом пространстве. А предметом лингвистической экспертизы конфликтных текстов, повторим, являются лингвистические признаки определенных речевых деликтов. Поэтому лингвистическая экспертиза оказывается одной из основных процедур, одним из основных подходов в такой актуальной области исследования, как лингвистическая конфликтология; способом *case studies* она приносит богатый материал для обобщения того, что касается аспектов, сторон, этапов – всего разнообразия содержания и формальных показателей конфликтной коммуникации.

Лингвистическую экспертизу можно назвать и прикладной лингвистикой текста, поскольку ее материалом является целостное речевое произведение: хотя вопросы обычно ставятся относительно отдельных его фрагментов, в содержании и/или форме которых и подозревается состав преступления, все равно анализируется текст целиком в его жанрово-дискурсивной определенности, в логико-композиционных параметрах. В лингвистической экспертизе используются также достижения традиционного языкознания (лексикологии и грамматики, функциональной стилистики и теории культуры речи).

А с точки зрения политической лингвистики, лингвистическая экспертиза обнаруживает важные свойства политического дискурса, не выявляемые методами других ее направлений. Важнейшее такое свойство политического дискурса – это его «подсудность», т.е. регуляция как

содержательных, так и организационных аспектов политической коммуникации (а следовательно, и воплощающих ее текстов) посредством целой системы законодательных актов и деонтологических кодексов (сводов правил профессиональной этики).

Через лингвистическую экспертизу политического дискурса обнаруживается взаимосвязь 1) политики как деятельностью области, 2) массовой коммуникации как преимущественного носителя политического дискурса, 3) журналистики как вовлеченного «медиума» и интерпретатора, информационного посредника между политическим классом и электоратом, между ветвями власти и гражданским обществом, и 4) права – источника юридической оценки, на основании чего формируется представление о речевых преступлениях в его пределах.

Фактически лингвистическая экспертиза наглядно демонстрирует в действии новые, высшие уровни дискурсивной регуляции, которые введены в рассмотрение лингвистов вышеуказанными дисциплинами: юрислингвистикой, судебным речеведением, – и это несомненный вклад этих дисциплин в теорию языкознания в целом. Говоря же конкретнее, это вклад и в коммуникативную лингвистику, с ее вниманием к конвенциональности речевой деятельности, и в культуру речи, где основным предметом исследования является система норм, начиная с литературно-языковых, регулирующих речевое поведение и функционирование языковых единиц в текстопорождении. В частности, представление о системе норм, обогащенное законодательным и деонтологическим уровнями, позволило сформулировать в вузовском медиаобразовании понятие профессиональной культуры речи работника массовой коммуникации (и журналиста, и рекламиста), ввести в рассмотрение новый тип ошибок (уже правонарушений!) и оперировать соответствующими критериями оценки качества текстов в данных сферах массовой коммуникации, излагая курсы функциональной стилистики рекламы [Кара-Мурза 2007а].

В новейшей российской истории ЛЭ стала существенным опосредующим механизмом политической коммуникации в таких разных ее проявлениях, как электоральные кампании, протестная деятельность, борьба партий, включая отношения их лидеров, и взаимодействие политиков со СМИ. Результаты лингвистической экспертизы помогают суду справедливо разрешить конфликт (см. пример с В. Красулей).

Однако бывает и наоборот – лингвистическая экспертиза не способствует разрешению речевого конфликта, а создает новый. Часто он реализуется как конкуренция вариантов лингвистической экспертизы по одному и тому же делу, как борьба интерпретаций. Здесь возможны два сценария. Первый из них обусловлен относительной новизной лингвистической экспертизы как прикладного направления и

объективной сложностью информационного конфликта: стандартизованные и надежные процедуры лингвистической экспертизы конфликтогенных текстов, разработанные в экспертных учреждениях России, государственных и независимых, еще не получили достаточно широкого распространения. Вследствие этого возможны случаи добросовестного заблуждения экспертов, особенно неопытных, что в свою очередь может привести к неадекватному судебному решению. В таких случаях, чтобы пересмотреть приговор, бывает достаточно заказать новую лингвистическую экспертизу в квалифицированной организации.

(2) Такая ситуация сложилась по поводу статьи Ларисы Кошкиной **«От трубы повалил экстремизм»**, опубликованной в издании **«Независимая нерюнгринская газета «Просто Ньюка»** № 35 от 29.08.07. Автор, желая привлечь внимание читателей к росту в городе националистических, антииммигрантских настроений, проиллюстрировала статью фотоизображением листовки Русской Общины ДПНИ. Этот факт местные органы внутренних дел интерпретировали как совершение действий, направленных на возбуждение национальной розни и создание реальной угрозы причинения вреда общественной безопасности. Экспертиза местных специалистов подтвердила обвинение против журналистки, однако исследование, выполненное опытными экспертами ГЛЭДИС по запросу председателя Союза журналистов России В.Л. Богданова, опровергло такие выводы. В результате судебного расследования обвинения с журналистки были сняты и дело закрыто.

Но, к сожалению, в силу конкурентного характера политической деятельности в целом и особенностей отечественной политики в частности, лингвистическая экспертиза все чаще оказывается не только инструментом объективного анализа предполагаемого речевого деликта, средством установления истины и обеспечения справедливого судебного решения, но и орудием политической борьбы: она вовлекается в борьбу на стороне одной из сторон конфликта, как правило, той, которая облечена властными полномочиями.

Политизация лингвистической экспертизы, как и любая ангажированность в науке, способна привести к тупиковой ситуации, дискредитировать этот тип исследований. Сошлюсь на мнение старшего эксперта РФЦСЭ А.А. Смирнова: «...если верить сообщениям прессы, в последние год-два мы наблюдаем не только повышение популярности судебных процессов, но и явную тенденцию к генерализации конфликтов, имеющих то или иное отношение именно к лингвистической экспертизе. Первоначально иски о защите чести, достоинства или об оскорблении национальных чувств выглядели весьма скромно. Их подавали незаметные частные лица, персонально затронутые обидной публикацией, против других частных лиц,

эту публикацию подготовивших. Сегодня в качестве пострадавшей стороны все чаще пытаются выступить целые общественные организации, либо даже государство в лице каких-то своих уполномоченных представителей. В недалеком будущем объектом экспертной лингвистической оценки может оказаться не отдельная статья или публичное высказывание, а целая PR-кампания или некоторая идеология. Незаметно, но последовательно лингвистическая экспертиза перемещается с отдаленной юридической периферии в область повышенного общественного интереса и пристрастного обсуждения. (...) Любое ужесточение общественной реакции на идеологическую и информационную деятельность, как мы уже не раз убеждались, порождает соответствующее общественное противодействие. В фокус конфликта в качестве третьей стороны вполне может попасть безобидная лингвистическая экспертиза. Вряд ли эксперты в такой ситуации окажутся святее Папы Римского, смогут пережить искушение сознательно или бессознательно включиться в общественные столкновения на вызывающей их симпатии стороне» [Смирнов 2004].

В данной публикации я предлагаю вариант осмысления лингвистической экспертизы в рамках подхода, принятого в ГЛЭДИС (Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам) и разрабатываемого на основе достижений лингвоэкспертных направлений современной отечественной прикладной лингвистики. Материалом для данной статьи является русский политический дискурс, отображенный в речедетальной конституции и процитированный в московской печати: выступления политиков на митингах или конференциях; лозунги, тексты на транспарантах. Понятно, что публикации о речевых конфликтах, в которые политики вступают между собой и с другими общественными силами, – это журналистские интерпретации, т.е. одна из возможных интерпретаций, осуществленная с позиции самого журналиста и/или его издания. Поэтому я прошу просвещенных читателей сделать допуск на достоверность изложения в той мере, насколько она возможна в журналистике. Я привожу в пример и дела, выполненные экспертами ГЛЭДИС, в том числе с моим участием (с сохранением условий конфиденциальности). При этом вину за неточности изложения оставляю за собой, а перспективные наблюдения и рекомендации разделяю с коллегами по ГЛЭДИС, к которым чувствую глубокую благодарность за сотрудничество и общение.

УНИВЕРСАЛЬНЫЕ И «ПРОФИЛЬНЫЕ» РЕЧЕВЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ. Дискурсивный анализ через призму лингвистической экспертизы помогает увидеть, что основные институциональные дискурсы (журналистский, политический, рекламный) являются – в составе объемлющих деятельности – особым объектом правовой регу-

ляции, а с другой точки зрения – полем совершения речевых преступлений; например, специалист по праву СМИ, конфликтолог проф. А.Р. Ратинов писал о «журналистских правонарушениях», которые включают распространение материалов противоправного содержания, пропагандирующих национальное превосходство или неполноценность, призывающих к насильственному изменению конституционного строя, общественным беспорядкам и проч. [Ратинов 1996, 2004: 104]. Может быть, есть резон считать правовую регуляцию одним из важных показателей институционального характера какого-либо дискурса.

Речевые преступления отображены в разных отраслях законодательства (конституционном, гражданском, уголовном, профильном) и соотносятся с тремя основными правовыми ценностями. Во-первых, это права и свободы человека и гражданина. И, во-вторых, это безопасность отечества, целостность государства, защита конституционного строя и общественного порядка. Речевые преступления направлены против личных нематериальных благ (чести, достоинства, деловой репутации и доброго имени) и неимущественных прав (на личную, семейную, врачебную тайну и нек. др.), которые зафиксированы в статьях 150-152 Гражданского Кодекса РФ, в УК РФ (в разделе У11 «Преступления против личности»), куда входят ст.129 «Клевета» и ст. 130 «Оскорбление»; по этой же смысловой линии можно числить и ст. 319 УК РФ «Оскорбление представителя власти». В раздел X УК РФ «Преступления против государственной власти» ст. 280 «Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности» и ст. 282 «Возбуждение ненависти либо вражды, а также унижение человеческого достоинства». В-третьих, это информационные права граждан, зафиксированные конституционно и в Законе «О СМИ», и политические, в том числе избирательные. Преступления против этих норм, ценностей и объектов могут совершаться в том числе речевыми поступками, через высказывания / тексты.

Политические права россиян отражены в законах, регулирующих в составе политической деятельности информационно-пропагандистскую коммуникацию, предвыборную агитацию, а значит, воплощающий их политический дискурс. В Федеральных законах «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», «О выборах Президента Российской Федерации», «О политических партиях...» подробно изложены нормы – от того, как регистрировать партии, до того, когда и как можно и нельзя вести предвыборную агитацию. Кстати, в отличие от последней, политическая реклама, будучи одним из активных и финансово емких направлений российского политического рынка, законодательно не регулируется (как это ни парадоксально); это специально отмечено в Федеральном

законе «О рекламе» 2006, ст. 2 «Сфера применения настоящего Федерального закона».

Наконец, политическая коммуникация регулируется и законом «О СМИ», где законодательно указаны пределы участия в ней журналистов: их профессиональные задачи не предполагают вмешательства в политику. Законодательные требования к журналистской работе можно интерпретировать как профессиональные правила и ограничители творчества, т.е. дискурсивной деятельности [Правовые и этические нормы в журналистике 2007].

Основное количество экспертиз осуществляется в российских судах по речевым деликтам, связанным с нарушениями прав личности. Дела по этим статьям стали возбуждаться лавинообразно с начала 90-х годов, с принятием Закона «О СМИ», в котором указывалось на недопустимость злоупотребления свободой слова (ст. 4 и 59) и запрещалось нарушать конституционные требования защиты прав личности, в частности декларировалось право на опровержение и возмещение морального вреда (ст. 43, 44 и 62). Отметим, что эти деликты присутствовали и в дореволюционном, и в советском праве. В СССР, в соответствии с ведущей правовой концепцией, дела по ним не были частыми и не оказывались в центре внимания общественности [Эрделевский 2007]. В целом нынешнее положение дел можно было бы оценить положительно: когда россияне-участники политической деятельности защищают свои права как граждане и как личности, это свидетельствует об их социальной зрелости, о преодолении психологии «винтика». Но у него есть и другая сторона – негативная. В большинстве случаев истцами по этим статьям выступают люди из власти или из бизнеса, тогда как ответчиками – журналисты и издания. И это симптоматично: возбуждая гражданские или уголовные дела, власть имущие стараются «околотить» независимую прессу. Новая российская элита взяла на вооружение правозащитные ценности чести, достоинства, деловой и профессиональной репутации личности, побивая в судах оппозиционных политиков и независимых журналистов их же аргументами.

Поэтому в 1991 г. под руководством известного журналиста и правозащитника А.К. Симона был создан Фонд защиты гласности (ФЗГ), организовавший мониторинг преследований журналистов и их правовую поддержку, – прежде всего для защиты журналистов и изданий от недобросовестных истцов, но, конечно, и для защиты персонажей от недобросовестных публикаций (от журналистской «заказухи», «черного пиара»), которых тоже стало слишком много. А в 1994-2000 годах при Президенте РФ работала Палата по информационным спорам – квазисудебное учреждение, призванное в правовых понятиях решать конфликты в области свободы слова и права на информацию, в том

числе в политической коммуникации, в основном в электоральных кампаниях.

В середине 90-х гг. Фонд защиты гласности инициировал лингвистическое исследование понятийных и методических проблем, с которыми сталкиваются и стороны конфликта, и правоприменители. В результате коллективом крупных ученых (это были В.Н. Базылев, Ю.А. Бельчиков, Ю.А. Сорокин), руководителем которого был акад. А.А. Леонтьев, была написана пионерская работа «Понятия чести и достоинства, оскорбления и ненормативности в текстах права и массовой коммуникации» [Понятия... 1996], переизданная с дополнениями под названием «Понятия чести, достоинства и деловой репутации. Спорные тексты СМИ и проблемы их анализа и оценки юристами» (2004). На ее основе прошли научные и читательские конференции, опубликованы отчеты и рецензии. Без преувеличения можно сказать, что эта книга заложила теоретические основы лингвистической экспертизы конфликтотенных текстов – во всяком случае, в московской лингвоэкспертной среде, и прежде всего в ГЛЭДИС.

Причиной возникновения речевых конфликтов в политическом дискурсе, причиной агональности как его ярчайшей черты [Шейгал 2004: 121] является идущая через него политическая борьба, причем и институциональная (борьба «ветвей» власти и идеологических «позиций»), и персонифицированная (претензии друг к другу конкретных людей, вовлеченных во властно-политические отношения, по поводу конфликтотенного текста, обычно распространенного в СМИ).

(3) «Пенсионеры засудили Геннадия Зюганова. Лидер КПРФ приговорен к публичному извинению» – так проинформировал читателей «Ъ» от 20.09.03 в рубрике «ЧЕСТНЫЕ ВЫБОРЫ» о конфликте между лидером Российской партии пенсионеров Сергеем Атрошенко и вождем КПРФ Г.Зюгановым, который, выступая в Челябинске на 3-м съезде патриотов Урала, сказал, что РПП – это «карманная партия кремлевских серых кардиналов, которые дрессировали ее руководителей в США и выдрессировали»; и это заявление процитировали почти все областные СМИ. Лидер РПП С. Атрошенко подал иск о защите чести и достоинства. Суд, как того желал Атрошенко, постановил: Г. Зюганов должен публично извиниться перед РПП и возместить истцу судебные расходы в размере 1 тыс. руб. Корреспонденту «Ъ» председатель исполкома РПП Владимир Пономарев сказал: *«Теперь в течение месяца господину Зюганову придется сообразить в Челябинске пресс-конференцию за свой счет и признаться, что был неправ. А точнее, что врал и клеветал на нас. Ведь понятно – делал он это потому, что считает нас своими конкурентами».*

В политическом дискурсе случаются и универсальные речевые конфликты, встречающиеся в любой сфере социальной коммуника-

ции, – таковы диффамация (унижение чести, достоинства и деловой репутации), оскорбление или клевета, и модифицированные, и специфические, характерные для коммуникации политической.

(4) «ВО ВСЕМ ВИНОВАТ СОРОС», «НГ», 15.01.09. На встрече с журналистами популярной газеты «Владивосток» мэр города И. Пушкарёв высказал мнение, что *«акции были организованы приезжими людьми, а организаторы финансировались из Фонда Сороса»*. В их числе была названа Анастасия Загоруйко, лидер одной из организаций автолюбителей Приморья и член совета при уполномоченном по правам человека в Приморье: *«Сейчас организаторов митингов разыскивают компетентные органы»*, – подчеркнул градоначальник. *«Слова о розыске меня компетентными органами являются клеветой. Подтверждение тому – присутствие в моем свадебном кортеже 10 января 2009 года представителей милиции и других структур»* – так А. Загоруйко прокомментировала высказывание мэра и предложила ему принести ей через СМИ извинения, иначе она подаст иск о защите чести и достоинства.

Модифицированными можно считать такие речевые преступления в политической коммуникации, где акцентируется властный статус истца и/или ответчика. Это оскорбление представителя власти при исполнении служебных обязанностей (ст. 319 УК РФ). Специфическими речевыми преступлениями в политическом дискурсе можно, видимо, считать те, которые связаны с электоральными процессами или массовой политической активностью, в том числе оппозиционной. Первое – это незаконная агитация (согласно избирательному законодательству), второе – «словесный экстремизм» (ст. 280 и 282 УК РФ).

«Оскорбление представителя власти» – это, в сущности, правовой реликт, оставшийся в некоторых европейских странах со Средневековья. Царствующая особа воспринималась как сакральный символ государства; ее утверждение на троне сопровождалось таинствами, каково, например, в христианской традиции помазание на царство. Всякий выпад в адрес государя считался преступлением и воспринимался, видимо, в одном смысловом поле с кощунством – словесным оскорблением Божества и святотатством, которое в данном контексте можно трактовать как оскорбление Божества действием (такова, например, кража икон).

И «оскорбление величества», и «оскорбление Божества» остаются актуальными и в духовном, и в художественном, и в правовом пространстве современности. Полагаю, что именно таково происхождение «карикатурного скандала» вокруг датской газеты «Юлландс Постен»: карикатуры на пророка Мухаммеда вызвали священный гнев мусульман всего мира, а отказ газеты и художника от извинений, мотивированный принципами свободы слова, – не только

торговый бойкот Дании, но и погромы. В художественной литературе крайним случаем религиозного негодования против текста является, наверное, дело Салмана Рушди: он проговорен к смерти на основании исламского права. Радикальные постмодернистские арт-практики в России также спровоцировали религиозные протесты – многочисленные погромы и иски об оскорблении чувств верующих, с успехом вменяемые, например, московскому Центру современного искусства, директор которого Ю. Самодуров в конце концов вынужден был уволиться. А вот пример современного дела «об оскорблении величества»:

5) www.gazeta.ru/news/social/2009/01/19/n1319001.shtml (со ссылкой на Reuter agency) АВСТРАЛИЕЦ МОЖЕТ ПОЛУЧИТЬ 15 ЛЕТ ЗА ОСКОРБЛЕНИЕ ПРИНЦА ТАИЛАНДА Австралийский писатель, признанный виновным в оскорблении тайского кронпринца, может получить 15 лет тюрьмы.

Роман «Правдоподобие» написан в 2005 г. и продан тиражом всего в 7 копий. Имя автора в заметке не указано. Непонятно, где он проживает и может ли он реально попасть за решетку. Роман назван в Таиланде «оскорблением аристократических ценностей монархии».

Современные принципы отношения к политическим персонам сформулированы в документах ЕСПЧ (Европейского суда по правам человека). Они отличаются от традиционалистского подхода тем, что обосновывают необходимость повышенного внимания к ним общественности и меньшую их информационную защищенность. Ведь сведения об жизни и деятельности политиков и чиновников реально влияют не только на политический, но и на экономический, и на психологический климат. Симптоматично название брошюры «Втайне от народа» с подзаголовком «Как законы об оскорблениях» ограничивают общественный контроль над деятельностью государственных чиновников ЧТО ПО ЭТОМУ ПОВОДУ МОЖНО ПРЕДПРИНЯТЬ» (2002), подготовленной Всемирным комитетом по защите свободы прессы и выпущенной ФЗГ.

В России с ее монархическими традициями и «административным восторгом» статья 319 УК РФ в последние годы явно активизировалась.

6) В резонансном деле телеканала «ТВ-6 Владимир» представлена специфика современного отечественного правоприменения по речевым преступлениям в массовой коммуникации с использованием лингвистической экспертизы. Инициатором уголовного преследования по «политическим» статьям УК РФ (ст. 319 «оскорбление представителя власти» и ст. 282 «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства») стал политический деятель М. Бабич, депутат Госдумы от Владимирской области. В качестве corpus delicti предстало журналистское произведение – репортаж, темой которого было по-

литическое событие – митинг членов «Единой России» в рамках прошедшей парламентской избирательной кампании, которая перешла в президентскую. Он состоялся во Владимире 30.11.07; тогда же на местном ТВ вышел конфликтный репортаж. Объектом оскорбления, по мнению заявителя, стал президент В.В. Путин. Заявитель счел его оскорбленным формулировками, которые прозвучали в «подводке» (во вступительном слове журналиста С. Горяинова) к телерепортажу: *«В рейтинге самых запоминающихся кадров на этой неделе победил «путинг по-владимирски» – так в народе окрестили митинги в поддержку уходящего в отставку президента. Владимирские любители Путина собрались в среду в областном дворце культуры и бурными и продолжительными овациями поддерживали тезисы о том, что Россия – в кольце врагов, что внутри страны окопались подонки и вообще – кто не с ними, тот против них. Параноидальный страх верных «путинистов» перед любым проявлением инакомыслия – без комментариев».*

Оскорбительными заявителю показались выражения «путинг» и «верные путинисты». Признаки экстремизма и разжигания национальной розни он увидел в минисюжетах, входивших в состав телерепортажа, в которых были запечатлены народные танцы, исполнявшиеся танцевальными коллективами – грузинским, еврейским и чукотским. Эти сюжеты чередовались с другими, где транслировалось выступление депутата А.Исаева. Чтобы иметь основания для возбуждения дела по указанным речевым преступлениям, прокуратура отправила материалы на предварительную лингвистическую экспертизу в Нижегородский лингвистический университет и в ГЛЭДИС. В итоге для окончательной квалификации дела «материалы видеосюжета сначала исследовали УВД Владимирской области, местная лаборатория экспертизы Минюста, нижегородские лингвисты, а затем и Российский федеральный центр экспертизы при Минюсте, – прокомментировал ситуацию журнал «Коммерсантъ-Власть» от 29.09.2008 в заметке под названием **«Путинги признали законными»**. – Во всех четырех случаях эксперты не нашли ничего криминального, и дело было прекращено». Согласно данным электронной библиотеки Integrum, слово «путинг» в значении «митинг в поддержку Владимира Путина», появившееся летом 2007 г., т.е. задолго до телеинцидента, «употребляли 19 федеральных изданий, 21 региональное, 85 интернет-СМИ и 6 телеканалов и радиостанций. В общей сложности оно прозвучало 321 раз. И если бы термин был запрещен, – предположили журналисты «Ъ», – то против всех этих СМИ тоже пришлось бы заводить уголовные дела». На самом деле слово «путинг» появилось еще раньше, в значении «экономическая политика путинского времени»; его авторство приписы-

вают политологу Станиславу Белковскому. В данном деле проявилась функция лингвистической экспертизы как значимой посредницы в политизированных судебных процессах и роль лингвистов-экспертов как третейских судей, способствовавших вынесению справедливого приговора.

Применительно к электоральным коммуникациям требования и запреты сформулированы в Конституции и в избирательном законодательстве, а также в Законе «О СМИ». Это 1) правила ведения предвыборной агитации и 2) правила журналистского информирования о ходе предвыборной кампании и ее действующих лицах.

С точки зрения политической лингвистики важно, что законодатель требует отграничивать друг от друга в общем пространстве массовой коммуникации три типа дискурса, которые ориентированы на разные познавательные, эмоциональные и поведенческие эффекты, а именно предвыборную агитацию от журналистики и обе их – от рекламы. И визуально – с помощью «рамочки», и словесно – через маркировку *«На правах рекламы»* или *«Оплачено из избирательного фонда кандидата Х»*, и жанрово-стилистически – с лозунгами *«Долой!»* или *«Россия для русских!»* и целевая, и массовая аудитория получают предупреждение о серьезности политических и экономических последствий, если люди отреагируют на рекламные или агитационные послания так, как этого хотели бы их инициаторы и авторы. Еще один стимул для различения агитации и информации возник после думской и президентской кампаний 1999/2000 гг., когда неконтролируемый поток компромата, расцвет «телекиллерства» дискредитировал не столько кандидатов, сколько саму идею предвыборной борьбы, саму идею выборов. В 2002 г. был принят Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», где в ст. 2 в число основных понятий было введено понятие агитации, а в ст. 48 подробно раскрыты содержательные и формальные признаки предвыборной агитации и агитации по вопросам референдума. А в 2003 г. были приняты поправки в этот Закон и в Закон «О СМИ», позволявшие Министерству по делам печати, радио и ТВ, Центральной и региональным избирательным комиссиям налагать строгие санкции за «необъективные» журналистские и ненадлежащие агитационные материалы. Журналисты сразу подозревали законодателей и правоприменителей в попытках урезать право информированности для электората, тесно связанную с ним свободу мнений, комментариев для политической журналистики, а также свободу полемики как содержательной конкуренции для политических противников.

Агитационный характер публикации предопределяется и содержанием (предвыборной

тематикой и проблематикой, сюжетом, где главным персонажем является кандидат в депутаты или в президенты), и манерой, стилем сведений о нем, включая оформление агитационных материалов.

7) **«Новые Известия», февраль 2007 г. «ВЫ РУССКУЮ ШКОЛУ ОКОНЧИВАЛИ?»** /в изложении/ 14 февраля ЦИК рассматривала коллективную жалобу на бюллетень, с помощью которого петербуржцы должны были выбрать депутатов городского Законодательного собрания. КПРФ, ЛДПР и «Справедливая Россия» указали на то, что фамилия кандидата от территориальной группы напечатана на бюллетене более крупными буквами и находится на правой стороне, отдельно от первой тройки списка. Заявители расценили такой дизайн как скрытую агитацию в пользу «Единой России». ЦИК принял жалобу, и Петербургский избирком скорректировал бюллетень, хотя выигрышный для единомыслителей кандидат так и остался в правой части бюллетеня, привлекая к себе, по мнению партий, дополнительное внимание. Конечно, бюллетень – это избирательный документ, а никак не элемент агитации, но считается, что его оформление может повлиять на окончательное решение избирателя, поэтому его форма и регулируется, и оспаривается.

Появление агитационных материалов в медиaprостранстве или на наружных носителях ограничивается определенными сроками, а также пропорциональным количеством их от каждой партии в уполномоченных СМИ (например, на федеральных телеканалах и в государственных печатных изданиях).

8) **14.03.08 в газете «Ъ»** на полосе «ПОЛИТИКА» в рубрике «Контекст» опубликована заметка **РЕДАКТОРА КАЛИНИНГРАДСКОЙ ГАЗЕТЫ ОБВИНИЛИ В НЕЗАКОННОЙ АГИТАЦИИ В ПОЛЬЗУ ДМИТРИЯ МЕДВЕДЕВА**. Как сообщила пресс-служба региональной прокуратуры, 1 марта 2008 г., в запрещенный для агитации день накануне президентских выборов, газета «Наша жизнь» опубликовала материал о Дмитрии Медведеве, поэтому прокуратура возбудила дело по ст. 5.10 КоАП РФ. Данный текст был признан агитационным не по лингвистическим или лингвосемиотическим показателям, а по чисто формальным: он вышел в день, когда запрещено размещение материалов о кандидатах в президенты или в депутаты. В таких случаях лингвистическая экспертиза не нужна – достаточно факта публикации.

А журналистам во избежание участия в предвыборной кампании, вольного или невольного, запрещена ангажированность, создание и распространение материалов не только агитационного, но и комментирующего характера. Журналисты ведь выполняют общественно важную функцию информирования всего общества и не имеют права оказаться на чьей-то стороне, повлиять на электорат – это прерога-

тива самих политиков и их команд, в том числе нанятых политехнологов.

Поэтому возникла необходимость различать несколько значимых в правовом отношении типов информации: информационные материалы, исходящие из избиркомов, агитацию и информацию из предвыборных штабов, журналистскую информацию=новостные материалы в разных жанрах, а также аналитику: комментарии, отчеты и проч.; а критерии различения были прописаны невнятно. Чтобы объяснить новые правила журналистской деятельности на период выборов и фактически указать «границы безопасности», ЦИК выпустил летом 2003 г. комментарий «Средства массовой информации и выборы: вопросы и ответы». В свою очередь осенью 2003 г. Фонд защиты гласности подготовил силами правоведов, правозащитников, журналистов и лингвистов-экспертов брошюру – комментарии к этому комментарию [Обреченные на немоту? 2003]. В специальном разделе «В помощь редакторам: лингвисты-эксперты о предвыборной информации и агитации» мною были предложены приемы анализа и основные показатели, позволяющие различать вышеуказанные направления политической коммуникации и журналистики [Кара-Мурза 2003].

В случае информационного спора в области предвыборной агитации обращение к лингвистам стороны правоприменительной (в данном случае это избирком) или судебной либо участников конфликта (политических конкурентов) преследует идентификационную цель: экспертиза должна определить, к какому дискурсу и жанру относится конфликтотенный текст, с тем чтобы суд определил уместность, законосообразность появления текста в данное время и в данном месте. Здесь обнаруживается один из основных импульсов, идущий от лингвоправового подхода, воплощенного в лингвистической экспертизе информационных конфликтов, к политической лингвистике. Ее задачей, на наш взгляд, может стать максимально полное описание такой коммуникативно-стратегической разновидности политического дискурса, как агитация, с ее жанрами и формами: лозунгами, листовками, транспарантами, речевками, коммуникативными событиями: митингами, конференциями, пикетами и проч.; а также по возможности более четкое отграничение ее от жанрово-коммуникативных разновидностей журналистики.

(9) Но, может быть, со стороны лингвистов это уже запоздалая инициатива: 14.01.09 в Центризбиркоме прошло новогоднее чаепитие, на котором «глава ведомства неожиданно высказался в пользу отмены в предвыборный период законодательного разделения информирования и агитации», – сообщила «Независимая газета» на следующий день в заметке под заголовком **«СЛОВО – НЕ ВОРОБЕЙ Владимир Чуров немало погорячился»**. В «Ъ» эта новость прошла под заголовком **«ВЛАДИМИР ЧУРОВ ХОЧЕТ ПРИРАВНЯТЬ АГИТАЦИЮ К ИНФОРМА-**

ЦИИ Оппозиционеры уверены, что в пользу партии власти», с уточнением, что, по словам В. Чурова, это его личное мнение». Опрошенные «Ъ» члены ЦИКа и депутаты Госдумы эту идею не прокомментировали.

И, наконец, самое обсуждаемое и самое спорное из речевых преступлений – словесный экстремизм.

10) ПРИЗНАК ЭКСТРЕМИЗМА ЗАБРЕЛ В «ИЗВЕСТИЯ»? В редакцию пришло официальное предупреждение из Росохранкультуры о недопустимости публикации «информации, содержащей признаки экстремизма». Речь идет о репортаже нашего спецкора Дмитрия Соколова-Митрича «Чингисхан, открой личико», опубликованном в номере от 18 мая 2007 года. (...) Редакция не согласна с выводами неназванных «специалистов-лингвистов» и готова аргументированно защищать свою позицию. (...) *Например, эксперты сочли экстремизмом упоминание того факта, что получить бесплатное высшее образование детям русских жителей республики практически невозможно. Или что только в последнее время в городе появились ночные клубы, где русским реально пройти фейс-контроль.* При этом чиновники не задались главным вопросом – а соответствуют ли все эти факты действительности? И если соответствуют, то разве можно ли называть журналиста экстремистом лишь за то, что он предал их огласке? (Изв., 29.08.07)

Он локализуется в двух статьях УК РФ, 280-й и 282-й, где зафиксирована важнейшая законодательная установка – противодействие экстремизму. В первой из них идет речь об экстремизме, который можно условно назвать политическим: это публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности, в том числе с использованием СМИ.

Во второй же статье сделан акцент на том, что характеризуется как национализм, фашизм или как этноэкстремизм (это понятие употребляет, напр., правозащитник Александр Брод): это возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе, совершенные публично или с использованием СМИ, с применением насилия и с угрозой его применения, с использованием служебного положения; совершенные организованной группой [Засурский, Кара-Мурза 2008: 312-334].

Сила экстремистского слова действительно убийственна: выступления и публикации провоцируют межнациональные беспорядки, погромы, гибель людей.

(11) «Новые известия», 07.09.06. Газета информирует, что на сайте ДПНИ всем желающим предлагается распечатать и распространить листовку, из которой следует или в которой написано – журналисты не сформулирова-

ли точно, что преступность среди иммигрантов за 15 лет выросла в 150 раз, что они завозят в Россию 90% героина, вывозят из нашей страны миллиарды долларов, оставляют москвичей без мест в детский садах, очень скоро русский народ может повторить судьбу косовских сербов. (...) По словам руководителя правозащитной организации «Гражданское содействие» Светланы Ганнушкиной, активисты ДПНИ убеждают население, что Россия принадлежит только русским. «Естественный вывод из того, что они говорят, – насилие, и находятся люди, которые этот следующий шаг делают», – отметила она.

С точки зрения политической лингвистики и лингвистической конфликтологии вербальная составляющая экстремизма может быть рассмотрена с двух точек зрения – как воплощение добросовестного, хотя и трагического, заблуждения носителей данной политической картины мира и как манипулятивный риторический прием, средство манипуляции восприятием и поведением политических акторов и представителей судебной власти. Правовой фундамент политики – это одна из ее базовых ценностей и один из основных аргументов, используемых политиками в их противоборстве. Они регулярно используют взаимные обвинения в пренебрежении конституционными нормами, в разных политических преступлениях в качестве доводов для электората и для массовой аудитории и как доносы по «начальству». Лингвистическая экспертиза конфликтных текстов помогает осознать эту специфическую манипуляцию как одну из характерных стратегий современного отечественного политического дискурса.

(12) 09.08.06 «Ъ» опубликовал заметку с надзаголовком **БОРЬБА С ВЕРТИКАЛЬЮ** и под заголовком **«ВАЛЕРИЯ ШАНЦЕВА ЗАПИСАЛИ В ЭКСТРЕМИСТЫ нижегородские правозащитники»**. Газета цитирует губернатора: «вслед за отменой глав регионов следует отказаться от выборов глав местных администраций». Правозащитники утверждали: «Обращение губернатора содержит угрозу правам жителей области на самоуправление», а в заявлении в прокуратуру написали, что выступление Валерия Шанцева «угрожает конституционному строю и потому является экстремистским». В случае повторного призыва В.Шанцева к отмене выборов глав местного самоуправления они собрались обратиться в суд. Ни прокурорские работники, ни пресс-служба В. Шанцева эти заявления не прокомментировали.

Лингвистическая экспертиза имеет не только прикладное правовое, не только научное, но и (не побоюсь показаться пафосной) гражданское значение, поскольку объективное исследование не просто обеспечивает справедливое решение, но и препятствует неправоначальному и не позволяет обвинить, засудить невиновного в случае пристрастного судебного процесса, что,

к сожалению, встречается, и особенно часто – в процессах о речевых преступлениях в политическом дискурсе.

(13) **«Филологи защитили журналиста от обвинений в экстремизме»** – под таким заголовком «Новая газета» поместила в № 89 от 01.12.2008 информацию о ходе расследования по делу известного журналиста, члена партии «Яблоко» Андрея Пионтковского. Весной 2007 г. прокуратура Краснодарского края получила из краевого управления ФСБ книгу А. Пионтковского «Нелюбимая страна», которую распространяло местное отделение «Яблока». Местный эксперт, кандидат филологических наук Сергей Федяев дал заключение о наличии в тексте «грамматических, лексических, семантических и синтаксических средств для призывов к межнациональной и социальной вражде и насилию». Как пишут журналисты, примеров из книги данная экспертиза не содержала. Генпрокуратура потребовала признать книгу экстремистской и запретить ее распространение на основании еще одной экспертизы, выполненной зав. кафедрой социальной психологии МГОУ Т. Шульгой, которая обнаружила в книге «высказывания, содержащие пропаганду неполноценности граждан разных национальностей или социальной группы по сравнению с другой нацией или группой, высказывания уничижительного характера по отношению к лицам еврейской, русской, американской и других национальностей»; как написали журналисты, «тоже без привязки к книге». Адвокаты Пионтковского просили привлечь экспертов с кафедры литературной критики факультета журналистики МГУ, но Басманный суд назначил собственное исследование в Российском федеральном центре судебных экспертиз Министерства юстиции РФ. Эксперты к.ф.н. А.А. Смирнов (РФЦСЭ МЮ), д.ф.н. О.В. Кукушкина (филологический ф-т МГУ) и к.ф.н. Сафонова (ИРЯ им. В.В. Виноградова РАН, ГЛЭДИС) констатировали, что в книге нет экстремистских высказываний. Журналисты цитируют мнение автора книги, журналиста А. Пионтковского: «Такое заключение экспертов – победа свободы слова в нашей стране».

АЛГОРИТМЫ ЭКСПЕРТНОГО АНАЛИЗА РЕЧЕВЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ. Итак, речевые преступления обнаруживаются как борьба интерпретаций, отягощенная конфликтом интересов. Само расследование речевого преступления может быть рассмотрено как специфическое коммуникативное событие, развивающееся по специфическому сценарию, и с участниками, исполняющими специфические роли (это истец, ответчик, судебная или надзорная сторона и эксперты) и преследующими собственные цели. Ущемленная сторона оценивает спорный текст как деликт и подает иск, на основании которого специалисты-правоведы ищут объективные признаки преступления, а сторона ответчика настаивает на законосообразности текста, – это уже три точки зрения. В спорных

случаях требуется и четвертая – истолкование со стороны лингвистов: посредством специальных методик они определяют текстовые параметры, коррелирующие с признаками разных речевых преступлений.

Однако далеко не каждый контекст, который вызвал у истца гнев или обиду и привел его с заявлением в суд, может быть вменен как речевое преступление. Для каждого из них, как уже говорилось, существуют достаточно определенные лингвоправовые показатели, сформулированные или в самой статье закона, или в комментариях юристов. Чтобы стать объектом судебного рассмотрения в диффамационном процессе, а потом быть признанным в качестве деликта, инкриминируемый текст должен отвечать ряду содержательных и формальных требований.

Каждое речевое преступление (как и преступления других типов), с одной стороны, имеет правовое содержание, состав признаков, сформулированный в самом законе или в комментариях, а с другой – лингвистические показатели, явленные в конфликтогенном тексте и нуждающиеся в лингвоэкспертном истолковании. Они и являются предметом лингвистической экспертизы. Типизация и конкретизация этих лингвистических показателей является одной из основных задач теории лингвистической экспертизы, другой задачей – формулировка типичных вопросов к экспертам по каждому из речевых преступлений, а третьей – разработка приемов анализа, где взаимодействуют лингвоправовые характеристики речевых деликтов и собственно лингвистические характеристики текстов. В сибирской школе лингвистической экспертизы эти разработки обозначаются как лингвистическая экспертология [Юрислингвистика-VIII: 2007]. Подобно тому как сама лингвистическая экспертиза занимает промежуточное положение между языковедческим изучением коммуникативного конфликта, с одной стороны, и судебным расследованием дела по определенной статье ГК или УК РФ – с другой, так же и терминология, характеризующая лингвистические показатели речевых преступлений, надстраивается над понятиями, которые описывают собственно языковые \ текстовые единицы, механизмы и закономерности речевого взаимодействия в журналистике и в коммерческой рекламе, в политической коммуникации, в том числе конфликтного, дополняет их. При этом она рекрутируется из разных языковедческих областей, из общеупотребительной лексики (ИНФОРМАЦИЯ НЕГАТИВНАЯ, ПОЗИТИВНАЯ, ФАКТОЛОГИЧЕСКАЯ; ИСТИННОСТЬ, ФАКТЫ, МНЕНИЯ, ОЦЕНКИ, ПРЕДПОЛОЖЕНИЯ, СЛУХИ). Многие лингвоправовые характеристики также представляют собой юридизировавшиеся слова «наивного речевого» (КЛЕВЕТА, ОСКОРБЛЕНИЕ, УТВЕРЖДЕНИЯ, ПОРОЧАНИЕ СВЕДЕНИЯ, УНИЖЕНИЕ ЧЕСТИ И ДОСТОИНСТВА).

Как платное исследование, проводимое по официальному заказу, экспертиза выполняется на определенных условиях и сопровождается определенными требованиями. Выполненная по определению суда под названием ЗАКЛЮЧЕНИЯ ЭКСПЕРТОВ, она является источником доказательств, обязательным для рассмотрения. В этом случае эксперты несут уголовную ответственность за дачу ложных показаний, что отмечается особым пунктом во вступительной части текста экспертизы. Если же ее заказывает одна из сторон конфликта: истец или ответчик, то итоговый текст получает название ЗАКЛЮЧЕНИЕ СПЕЦИАЛИСТОВ. Здесь лингвисты выступают в менее обязывающей роли: им не грозит уголовная ответственность, зато и суд при вынесении решения не обязан принимать такую экспертизу в качестве аргумента. Отвод экспертизы может быть спровоцирован и ненадлежащим – по мнению судьи – ее исполнителем. Так, экспертиза, сделанная мной по заказу общественного представителя ответчика в деле об оскорблении (сын – независимый политик представлял пожилую мать в бытовом конфликте, возникшем как результат административного дела о незаконной агитации [Кара-Мурза 2007б]), была отвергнута на том основании, что она выполнялась не в официальном экспертном учреждении в рамках МВД или Минюста, а на «общественной площадке» – на факультете журналистики МГУ. Хотя заказ экспертиз в вузах или в академических институтах – это обычная практика российских судов.

Еще одна причина для отвода – и вполне резонная – это превышение лингвистами-экспертами своих полномочий и «вторжение» на правовую территорию. Этот недостаток лингвистической экспертизы конфликтогенных текстов объясняется, как правило, добросовестным незнанием эксперта (особенно начинающего) требования, которое предъявляется вообще во всем типам экспертиз: анализ обстоятельств, причин, орудий, способов совершения правонарушений проходит в терминах экспертной специальности (хоть баллистики, хоть лингвистики), но не может выходить за ее пределы в сферу правовой квалификации преступного деяния. В лингвистической экспертизе конфликтогенных текстов это требование ослабляется ее относительной «молодостью», недосформированностью ее методического аппарата: не до конца проведено разграничение понятий лингвоправовых, которые присутствуют в статьях законов, фиксирующих речевые преступления, фактически на правах терминов «наивной лингвистики», и понятий собственно лингвистических, которые истолковывают инкриминируемый контекст, *corpus delicti*, как вербализацию коммуникативного конфликта или информационного спора. Даже в судебных определениях – текстах, рождающихся в правовой среде, вопросы до сих пор формулируются

так: «Является ли информация «жжж» порочащей истца Х?», «Унижает ли честь и достоинство истца ХХ фраза «щщщ»?» Согласно мнению, распространенному в лингвоэкспертном сообществе России, это нарушение пределов лингвистической компетенции, которое делегитимизирует экспертизу. Но это вопрос дискуссионный: подобные формулировки предлагаются в базовом учебнике по судебной экспертизе [Россинская 2008: 387-392].

Лингвистическая экспертиза воплощается в тексте, главная часть которого строится как ответы на запрос суда или стороны информационного спора (истца, ответчика, адвоката или представителя одной из сторон), содержащий вопросы по инкриминируемым фразам конфликтного текста или по тексту в целом. Этот текст в целом имеет стандартное оформление и композицию.

Экспертиза выполняется на бланке учреждения, куда послан запрос. Ее вступительная часть содержит стандартизованные сведения об экспертах (степень и звание, специальность, стаж экспертной работы), указывает на основания производства экспертизы (по определению суда или по запросу стороны) и на обстоятельства дела, демонстрирует научно-методические основы анализа и библиографию.

Следующая часть лингвистической экспертизы – теоретическая: в ней суду предъявляются алгоритмы анализа и термины лингвистической экспертизы данного типа речевых преступлений и характеризуется в речедетельностном контексте и с жанрово-дискурсивной точки зрения текст, содержащий инкриминируемые высказывания. По большому счету, ее содержание – это ликбез по теории речевого общения для судебных работников, которым придется иметь дело с наиболее сложными, конфликтными, манипулятивными его проявлениями, особенно в массовой коммуникации, в том числе в политическом дискурсе.

Исследовательская часть лингвистической экспертизы выполняется как ответы на вопросы суда или стороны конфликта с подробным анализом инкриминируемых фраз в соответствии с инструментарием лингвистической экспертизы по данному речевому деликту. И, наконец, заключение оформляется как резюме вопросо-ответной части экспертизы, коротко и внятно: именно ее формулировки используют судьи, когда переводят наблюдения лингвистов-экспертов над лингвистическими признаками речевого преступления в правовую плоскость и делают вывод о наличии или отсутствии состава преступления, а следовательно, о виновности или невиновности ответчика.

А теперь продемонстрируем основные лингвоэкспертные подходы к основным речевым преступлениям российского законодательства.

ДИФФАМАЦИЯ. В отечественном законодательстве, в отличие от западного, этого термина нет, но он широко употребляется в право-

вом обиходе. В узком смысле слова он обозначает гражданское правонарушение, которое выражается в распространении, в том числе в массовой коммуникации, порочащих сведений о физическом или юридическом лице – главном или второстепенном персонаже текста; в широком он синонимичен дискредитации. В свою очередь понятие «дискредитация» можно характеризовать как лингвоправовое: оно активно используется в практике возбуждения и разрешения речевых правонарушений: это агональная коммуникативная стратегия, предназначенная для победы над противником в коммуникативном конфликте и пользующаяся этически недопустимыми средствами [Иссерс 1999: 160-176; Кара-Мурза 2009: в печати].

Как многие понятия речедетельностной сферы, слово «диффамация» обозначает перлокутивный эффект, причем принципиально важно различать неблагоприятные интеллектуально-эмоциональные последствия у двух разных адресатов. Во-первых, это юридизированные психологические состояния – унижение чести, достоинства и деловой репутации и моральный вред у персонифицированного адресата – отрицательного персонажа текста. Он, ознакомившись с текстом, обычно становится инициатором дела, истцом (инициировать дело могут и другие субъекты, не всегда при этом правомочно). Во-вторых, это дискредитация персонажа – деятеля или организации – в глазах аудитории, массовой или целевой (в политике это электорат), наносящая репутационный ущерб, ухудшающая имидж: это, например, отказ избирателей, среди которых целенаправленно распространялись порочащие сведения о кандидатах, голосовать за дискредитированного политика на выборах. Стандартное наказание для ответчика – опровержение порочащих сведений в том же издании, чтобы противодействовать дискредитирующему эффекту в массовой и целевой аудитории, и штраф в пользу истца (в том числе организации) для компенсации морального вреда и репутационного ущерба.

Основной содержательный признак диффамации – порочащие сведения. В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 24.02.05 сказано, что порочащими считаются сведения о нарушениях гражданином или юридическим лицом законов, правил делового оборота, этических норм, общепринятых обычаев бытового поведения, если они не соответствуют действительности. От порочащих сведений принято отличать, во-первых, негативную информацию об истце, не содержащую вышеуказанных сведений, а во-вторых, позорящие сведения [Взгляд 2003: 5-18]. Например, факт неудачи на выборах негативно воспринимается политиком и его близкими и злорадно – его врагами, но информация об этом не будет сочтена порочащей, а иск, где истец пытается инкриминировать такую информацию, должен быть от-

клонен: ведь, проиграв выборы, политик не нарушил никаких законов и моральных норм.

Когда для распространителя сведений о проступках и правонарушениях гражданина или организации они заведомо ложные, то это расценивается как другой состав преступления, уголовного – клеветы; когда же распространитель добросовестно заблуждался относительно их правдивости или не задумывался над этим (например, в случаях распространения таких сведений в журналистских публикациях без должной проверки), то это состав диффамации. Если же сведения о таких правонарушениях и проступках истинны, то они называются порочащими; их распространение журналистами не должно влечь за собой наказания, даже если это сведения о высокопоставленном человеке или влиятельной организации. Наоборот, по отношению к таким общественным фигурам позиция отечественного правосудия, основывающаяся на принципах Европейского суда по правам человека, заключается в том, что информация о них должна быть как можно более полной, в том числе об их частных делах, если они влияют на общественные интересы [Монахов 2002: 376]. В то же время должны соблюдаться права на защиту чести, достоинства, деловой репутации и доброго имени граждан, включая высокопоставленных персон.

Необходимость соблюдать пропорцию между этими социально-правовыми императивами привела зарубежных правоведов, к позиции которых присоединились и отечественные, к различению в конфликтогенных текстах двух форм, приемов подачи информации. Это СВЕДЕНИЯ, или ФАКТЫ, фактологическая информация, которая верифицируема и, оказавшись недостоверной, расценивается как деликт – диффамация. И МНЕНИЯ – неверифицируемая информация, отображающая не события, процессы, ситуации, не поступки и действия граждан, а их оценку, субъективный образ ситуации, картину мира в сознании автора, фрагмент которой отображается в тексте: «В Резолюции ПАСЕ 1003 (1993) о журналистской этике утверждается: «Новости – это информация о фактах и событиях, в то время как мнения – это мысли, идеи, представления или ценностные суждения»» [Федотов 2002: 251].

В России свобода выражения **мнения** – это конституционная норма (ст. 29 Конституции РФ), опирающаяся на Декларацию прав человека. Существует и профессиональная норма, зафиксированная в Законе о СМИ (ст. 47 и 49) и в ряде корпоративных журналистских кодексов, – обязанность журналиста проверять истинность, правдивость информации. Если журналист имеет общественно значимую негативную информацию относительно какого-то публичного лица, то, руководясь нормой об обязанности журналиста информировать публику о подобных ситуациях, он должен преподнести эту информацию как факт, вместе с доказа-

тельствами. Или же, пользуясь правом высказывать мнение по важной проблеме, он должен оформить эту информацию именно как мнение, для чего в русском языке существует большое количество конструкций.

Различение фактов и мнений на основании их лингвистических примет – это и есть основная задача лингвистической экспертизы в диффамационных делах, и нельзя сказать, чтобы это была легкая задача. Два эти лингвистически релевантных способа передачи информации – знания и мнения – изучаются со второй половины 1980-х в работах М.В. Дмитриховской, Анны А. Зализняк и других участников рабочей группы «Логический анализ языка» Института языкознания РАН под руководством Н.Д. Арутюновой [напр., Зализняк 2006: 478-496]. В этих исследованиях было показано, что в коммуникативной деятельности, реализующейся в текстах, сложились правила оформления и восприятия информации, которая автору текста известна как истинная или которую он хочет преподать как истинную (тогда она оформляется как ЗНАНИЕ) или как предположительная, вероятностная (оформляемая как МНЕНИЕ). Воспринимая текст с теми или иными эпистемическими (познавательными) показателями, читатель подсознательно ощущает, истинная это информация или вероятностная (знание или мнение), и соответственно формирует отношение к событиям и участникам, описанным в нем, выстраивает линию поведения.

В контекстах мнения информация подается автором как субъективное убеждение, которое не обладает параметром истинности. О мнении нельзя сказать, что оно истинное или ложное, – оно характеризуется как убедительное или нет, доказанное или недоказанное. Но главное – оно не подпадает ни под одну из статей о защите чести, достоинства и деловой репутации от распространения порочащей информации: ни под уголовную статью о клевете, ни под гражданскую статью о диффамации. Для контекстов мнения существует целый комплекс показателей, прежде всего традиционно выявляемые вводно-модальные слова и конструкции со значениями вероятности, а также сложноподчиненные изъяснительные предложения, главная часть которых представляет собой эксплицитный эпистемический модус и содержит глаголы пропозитивной установки (*думать, полагать* и проч.).

При этом особый истинностный статус у оценочных суждений: в лингвистической экспертизе ОЦЕНКА традиционно проходит как МНЕНИЕ, т.е. как неверифицируемое и неинкриминируемое высказывание. Но в [Вольф 1985] убедительно показано, что оценочная семантика «двусоставна»; и если не верифицируется аксиологическая составляющая, то дескриптивная – вполне поддается проверке. Эту мысль можно продемонстрировать на примере инвективных слов типа «бандит».

Ключевое понятие лингвистической экспертизы «факт» подробно анализировалось в книге «Понятие чести и достоинства...» [1996/2004: 45-64] с опорой на логику-синтаксическую концепцию [Арутюнова 1988] и работу [Степанов 1995]; оно стало одним из центральных в университетском курсе «Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования» [Демьянков 2004: 68-83; Войниканис 2004: 207-219]. Однако соотношение факта и мнения остается проблемой, актуальной в теоретическом и сложной в практическом отношении [Бринев 2008].

Фактологический характер высказывания обнаруживается как особые свойства его пропозитивной семантики. Фактологичны конкретнореферентные предложения с акциональными, статальными, количественными, некоторыми релятивными предикатами. Мнения как не-верифицируемые высказывания будут формироваться с «обобщенной» референцией (все чиновники берут взятки) и иными типами предикатов. Помимо оценочных, это предикаты эмоционального состояния, умственной или перцептивной деятельности; они изображают внутренний мир персонажа в традициях беллетристики, а не журналистики. В контекстах знания=факта специальные лексические показатели не обязательны: вербализация автором своего знания (ср. у Маяковского: «Я знаю – город будет, я знаю – саду цвезть...») нужна только в риторических или эстетических целях, для особой убедительности.

Информация, поданная в форме знания, может быть подвергнута сомнению, охарактеризована как клеветническая или порочащая и подлежит проверке на истинность, верификации. Обязанность представить доказательства истинности негативной информации, распространенной в СМИ, лежит на журналисте (ст. 51 Закона «О СМИ»). А то, что информация клеветническая (умышленно лживая), должен доказывать суд. Задача же лингвистов – 1) указать суду на фрагменты текста, которые оформлены как знание=факт, могут быть доказательствами по соответствующим делам и потому подлежат верификации и 2) те, которые оформлены как мнение и потому верификации не поддаются, а следовательно, не могут быть вменены как состав клеветы и диффамации.

С лингвоправовой точки зрения, порочащие сведения, во-первых, – это информация именно о правонарушениях или проступках истца, а не любая негативная фактологическая информация о нем. Во-вторых, она касается непосредственно истца, а не, например, организации или группы, к которой он принадлежит. В-третьих, она должна быть выражена в форме утверждения. Этот логику-лингвистический термин в силу многозначности доставил много забот как юристам, так и филологам – в силу несовпадения значений, релевантных для каждой из этих профессиональных групп. В лингвоэкспертных

целях и в контексте теории речевых актов, где присутствуют близкие этому понятию РА констатив (по Остину) и репрезентатив (по Серлю), утверждение специально рассмотрел проф. А.Н. Баранов [Баранов 2007: 22-55]. Он так определил эту категорию: «вербально передаваемая кому-л. информация о том, что из нескольких возможностей имеет место некоторая одна, причем говорящий в той или иной степени берет на себя ответственность за сообщаемое, а сама информация передается в грамматической форме повествовательного предложения, допускающего истинностную оценку (верификацию), которое реализуется в различных синтаксических позициях (и в функции простого предложения, и в составе сложного) со сказуемым в индикативе и не соотносится в явной форме с субъективными представлениями говорящего о действительности» [Баранов 2007: 32]. Но ученый дополнил инструментарий понятием «скрытого утверждения» и тем самым не учел, как мне представляется, четвертый и очень важный отличительный момент понятия «порочащие сведения». Это пункт – обязательная эксплицитность информации, рассматриваемой при обвинении в диффамации; в делах о словесном экстремизме, в связи с социальной опасностью перлокутивных эффектов экстремистских текстов, установка иная.

С точки зрения эксплицитности учитываются оба основных компонента семантики высказывания – пропозитивный и иллокутивный. Верификация подлежит только явная пропозитивная информация, а не инференции, не выводы обиженного истца и не намеки как особая когнитивно-риторическая стратегия (намеки как объект лингвоэкспертного анализа подробно рассмотрены в [Баранов 2007: 205-222]). Что касается формы утверждения, то, вероятно, в рамках лингвистической экспертизы ее стоит понимать как локализацию инкриминируемого слова / выражения в сказуемом, выполнение этим словом предикативной функции. Другими словами, это явная словесная форма, в сопоставлении со скрытой словесной формой – локализацией информации в группе подлежащего или во второстепенных членах предложения. По правилу, информация в неутверждаемой форме не верифицируема, а значит, и не инкриминируема. Что касается иллокутивной семантики, то здесь прежде всего противопоставляются утверждения и вопросы; остается спорным статус риторических вопросов как скрытых утверждений.

Итак, рассмотрению в диффамационном процессе подлежат фразы с прямой иллокуцией утверждения, когда инкриминируемое выражение находится в предикативном центре как в информационном фокусе предложения. Согласно распространенному лингвоэкспертному мнению, не подлежат рассмотрению образно-метафорические и стилистически окрашенные номинации как проявления мнения,

субъективного восприятия автора, потому что они не верифицируемы [Цена слова 2003]. Отдельного рассмотрения и по другой статье – об оскорблении – заслуживает особая стилистическая краска, которая в законе характеризуется как неприличная, циничная форма выражения обобщенной оценки личности и которая соотносится с инвективной лексикой (см. дальше).

Попробуем применить понятия и процедуры лингвистической экспертизы конфликтогенных текстов диффамационного направления к анализу высказывания политического деятеля в резонансной общественной ситуации, по которому иск был вчинен, но не выигран.

(14) Конфликтная ситуация возникла летом 2006 г. в точке пересечения жилищной и строительной политики московского правительства. Власти Южного округа выселяли жителей из подмосковного поселка Южное Бутово, на месте которого должны были строиться новые жилые кварталы, в том числе муниципальное жилье. Несколько семей не были удовлетворены предложенными квартирами, семью Прокофьевых приехали выселять с приставами и бульдозерами, а жители устроили пикеты в их защиту, поддержанные юристами и политиками, в том числе из Общественной палаты, из оппозиционных партий. Противостояние освещалось на городском и федеральном уровне, в газетах, в сетевых ресурсах и по ТВ. На одной из пресс-конференций мэр города Юрий Лужков, по сообщению РИА Новости от 24.06.06, *обвинил в жлобстве тех жителей Южного Бутова, которые не хотят переезжать в предложенные им квартиры*. Цитаты: *«Конфликтная ситуация будет разрешаться, считаю, нормальным хозяйственным способом. С каждой семьей будет вестись внимательная, кропотливая работа «в режиме справедливости»; «жлобства не допустим, так как оно касается других жителей города, которые стоят в очереди на получение жилья»*. Слова о жлобстве мэр подчеркнул несколько раз. Членов Общественной палаты РФ он обвинил в том, что они возбуждают у общественности *«нездоровые настроения»*. По сообщению от РИА «Новости» от 25.06.06, Ю. Прокофьева была намерена обратиться с иском к мэру о защите чести и достоинства. Она требовала опровергнуть информацию о том, что просила выплатить ей и сыну по 100 тыс. дол.: *«Я ничего не вымогала и не просила»*. Подача иска была назначена на 26.06.06 в Тверской суд – по месту нахождения ответчика. Агентство Лента.ру 25.06.06 сообщило: Жителей Бутова оскорбило «жлобство» Лужкова, сказал председатель инициативной группы жителей В.Жирнов. *«Мы оскорблены, возмущены и будем подавать иск о защите чести и достоинства по заявлению Лужкова – то, что он обвинил нас в жлобстве»*. Совершенно иную трактовку предложила в заголовке газета «ВЕК» 30.06.06: ЛУЖКОВ СТАЛ ЖЕРТВОЙ

«ЖЛОБСТВА» И ПИАРА: в Москве циркулировала версия, что эта ситуация мулсируется, чтобы Лужкова снять или припугнуть. Ситуация разрешилась проигрышем истицы, что было отмечено «Ъ», 19.12.06 в заметке с заголовком, который сам может служить примером манипулятивного информирования: ТВЕРСКОЙ СУД ПРИЗНАЛ ЖИТЕЛЕЙ ЮЖНОГО БУТОВА ЖЛОБАМИ. А сказано в ней было, что 18.12.06 Тверской суд отказался удовлетворить иск жительницы Ю. Бутова Юлии Прокофьевой к мэру Москвы Юрию Лужкову, и показана ретроспектива конфликта.

Имел ли иск Ю. Прокофьевой по диффамационному делу резон? Безусловно, имел. В обещаниях мэра разобраться с жилищным конфликтом, осуществить позитивные действия прозвучало и уверение в недопущении действий, состояний с противоположной стороны конфликта, обозначенных как ЖЛОБСТВО. Слово ЖЛОБСТВО обозначает явно порицаемое социальное человеческое свойство и поведение. Кроме того, это слово имеет яркую стилистическую маркированность (именно в таких случаях лингвисты-эксперты обращаются к словарям, см. ниже).

Носители русского языка отчетливо ощущают эту негативную характеристику поведения людей (в данной ситуации – жителей Бутова). Вполне адекватно и бутовские активисты, и журналисты обозначили иллокутивную функцию лужковской фразы как ОБВИНЕНИЕ В ЖЛОБСТВЕ. «Букет» значений предикатного слова ЖЛОБСТВО позволил председателю инициативной группы В. Жирнову сказать (как передал электронный ресурс), что жители *«оскорблены, возмущены»* и на этом основании будут подавать иск о защите чести и достоинства. Иногда такой иск соединяют в одно производство с иском об оскорблении, поскольку, согласно закону, в этих речевых преступлениях одинаковый результат (перлокутивный эффект) – унижение чести и достоинства.

Но имел ли этот иск перспективу, т.е. мог ли он увенчаться выигрышем? На наш экспертный взгляд, нет, не мог. Для юридического функционирования языка принципиально важно не только содержание речевого деликта, но и его типичная форма. А она здесь не инкриминируемая. Во фразе Юрия Лужкова «НИКАКОГО ЖЛОБСТВА МЫ НЕ ДОПУСТИМ!», во-первых, отсутствует указание на истицу и даже на жителей Южного Бутова в целом, хотя они являются важными персонажами контекста этой фразы. Оценочное значение в этой фразе относится к области отрицательных свойств и качеств «нулевого» субъекта, а без указания на истца фраза не инкриминируется. Во-вторых, негативнооценочное слово «ЖЛОБСТВО» не было употреблено в форме утверждения, т.е. в предикатной позиции, соответственно фраза не имела прямой негативнооценочной иллокутивной силы: она выполняла функцию не эвалюа-

тива, а констатирующая–прогноза с волюнтивным оттенком воспрепятствования. Обвинительная иллокуция здесь вторичная, можно сказать косвенная; абстрактное существительное (деадъектив) – это полупредикат, или предикат, выраженный неизосемично (если описывать синтаксический уровень по «Коммуникативной грамматике» Золотовой, Онипенко, Сидоровой). Проведем лингвистический эксперимент – сформулируем из данного лексического материала с экстралингвистически заданными актантами (участниками конфликта) и с вычисленной иллокуцией ОБВИНЕНИЯ фразу, которая в явном виде – в форме утверждения – воплощала бы обвинение бутовцев и, в частности, истицы Ю. Прокофьевой в жлобстве: «*Бутовцы \ жители Бутова жлобы!*», «*Прокофьевы \ семья Прокофьевых жлобы!*», «*Юлия Прокофьева жлобка*», «*Бутовцы \ Прокофьевы ведут (проявляют...) себя, действуют как жлобы!*», «*Поведение, действия бутовцев \ Прокофьевых – это жлобство!*».

Если бы по определению суда или по заказу истицы было написано заявление о производстве экспертизы, то заказчики должны были бы сформулировать вопросы в соответствии с диффамационным стандартом, включающим часто и вопросы об оскорбительной форме или фразах, а эксперты бы дали на них ответы по алгоритму. Например:

1) Есть ли во фразе «*«жлобства не допустим, так как оно касается других жителей города, которые стоят в очереди на получение жилья»*» информация об истице? Есть ли негативная информация о ней? – В этой фразе отсутствует какая-либо информация об истице \ нет никакой информации об истице.

В принципе, этот ответ «закрывает» возможность диффамационного процесса. Грамотный адвокат должен увидеть невозможность возбуждения дела еще на стадии предварительного рассмотрения инкриминируемого текста, а грамотный судья, если ему принесли иск с таким вопросом и с таким напрашивающимся ответом, должен его отклонить за отсутствием состава преступления. Невозможен был бы иск также от жителей Бутова: они как коллективное лицо не упомянуты ни в этой фразе, ни в тех, которые цитировались в медиа (во всяком случае, в тех материалах, которые мне удалось найти в Интернет). Иногда к лингвистам-экспертам обращаются именно за предварительной экспертизой, которая способна прекратить информационный спор на ранней стадии подачи иска.

2) Есть ли во фразе «...» негативная информация в форме утверждения о каком-нибудь конкретном лице, лицах? – В данной фразе нет негативной информации в форме утверждения о каких-либо конкретных лицах.

3) Какое общее значение имеет фраза «...»? – Общее значение фразы – «негативное» обещание: говорящий (мэр Ю.Лужков) обещает не

допустить негативного состояния, обозначенного как ЖЛОБСТВО и подразумеваемого как следствие негативных действий, поведения неназванных жителей Южного Бутова, мотивируя этой защитой интересов других его жителей.

4) Присутствует ли во фразе «...» слово или выражение в неприличной форме? – Нет, в данной фразе отсутствуют неприличные слова, обценная лексика или грубые инвективы конкретно в адрес истицы или какого-либо другого лица; в ней не выражена обобщенная негативная характеристика какого-либо человека в неприличной форме.

5) Какое словарное (предметное) и стилистическое значение имеет слово ЖЛОБСТВО? – В «Толковом словаре русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой оно показательно отсутствует; его производящее слово ЖЛОБ толкуется как «*прост. презр.* Скряга, скупец» и сопровождается только производным прилагательным (ТСРЯ 1999: 195). В Большом толковом словаре русского языка под ред. С.А. Кузнецова оно толкуется как «*разг.-сниж.* Поведение, манеры, свойственные жлобу / О низком уровне культуры», а ЖЛОБ, соответственно, «*разг.-сниж.* О физически сильным, но грубом, невоспитанном мужчине» (БТС 1999: 305-306). В «Толковом словаре ненормативной лексики русского языка» ЖЛОБ – «*груб.-прост.* 1. Неразвитый, тупой человек. 2. Скупой, жадный человек», а ЖЛОБСТВО – «*груб.-прост.* 1. Тупость. 2. Скупость» [Квеселевич 2003: 219-220]. В 1 томе Русского семантического словаря слово ЖЛОБСТВО отсутствует: потому что в нем представлены другие типы слов (указующие и именующие, в числе последних – существительные, обозначающие все живое, землю и космос). Зато ЖЛОБ представлен сразу в двух разделах: 1) где представлены обозначения человека по свойствам натуры, чертам характера, а также по поступкам и поведению, определяемому такими чертами характера. И в блоке «Жадность, скаредность, стяжательство, торгашество» обретается это слово, толкуемое через ЖМОТ = «*прост. презр.* 1. Жадный, прижимистый человек» и присутствуют производные жлобка и жлобский. 2) А в разделе, где представлены обозначения человека по физическому, физиологическому, психическому состоянию, свойству, действию, в блоке «по физическому, физиологическому состоянию (по росту, силе, полноте, по чувству сытости или голода, по состоянию трезвости)» ЖЛОБ характеризуется как «*прост. презр.* 2. Большой, здоровый человек (обычно грубый, неумный)» (РСС 1998: 108, 332). Из контекста явствует, что смысл слова ЖЛОБСТВО здесь соответствует первому словарному значению. Оно употребляется с целью выражения резкой негативной оценки свойств и поведения некой совокупности людей, в самой фразе не обозначенной, хотя и известной из контекста, – это жители Южного Бутова, а может быть, и конкретнее – семья Прокофьевых и кого-то еще, если они в контексте

Лужковым упомянуты. Стилистическое значение этого слова указывается в словарях специальными терминологическими словосочетаниями *разг.-сниж.*, т.е. разговорное презрительное, *прост. презр.*, т.е. просторечное презрительное, *груб.-прост.*, т.е. грубо-просторечное. Эти показатели указывают и на сферу происхождения данных слов, и на отношение говорящего к объекту, которое этим словом выражается. Показатель *грубо-просторечное* говорит о том, что, во-первых, слово ненормативное, не входит в литературный язык (в отличие от показателя *разговорное*, которое относит слово к нижнему пласту литературности); во-вторых, что оно оценочное и что оценка, отношение к объекту выражается через это слово способом, который носителям языка представляется чрезмерным, некультурным, умаляющим как того, кто говорит, так и того, о ком о чем говорится. Но все эти показатели обнаруживают также, что слово ЖЛОБСТВО не принадлежит к нижним пластам русского языка – к вулгаризмам и к матерщине: они в словарях обозначаются как *вульг.* (вулгарное – в БТС и ТСНЛРЯ) и как табуированная лексика (в ТСНЛРЯ). Стилистический показатель *презрительное* означает, что слово выражает негативное, презрительное отношение говорящего (в данном случае мэра Москвы Ю.Лужкова) к этому негативному свойству (ЖЛОБСТВУ) как к объекту наименования (в данном случае к свойству не названных в самой фразе жителей Южного Бутова).

б) Имеет ли эта фраза оскорбительное значение? – Нет, эта фраза не имеет оскорбительного значения (точнее, коммуникативного предназначения). Она имеет значение обещания воспрепятствовать некоторому состоянию (Не допустим ЖЛОБСТВА), а кроме того, косвенное значение негативной характеристики, а именно обвинения в ЖЛОБСТВЕ некоторых неназванных людей. Из контекста понятно, что имеются в виду жители Южного Бутова, не принимающие жилищных предложений администрации Южного округа, но конкретно никто не назван и в жлобстве не обвинен. Словарное и стилистическое значение слова ЖЛОБСТВО (см. выше) позволяет экспертам сделать вывод, что оно не относится к неприличным, оскорбительным словам и что фраза, в которой оно употреблено, не может характеризоваться как неприличная.

Выводы по этой фразе в лингвистической экспертизе звучали бы, предположительно, так: «В инкриминируемой фразе отсутствует информация о нарушении конкретно истицей Ю. Прокофьевой законодательных норм, деловой этики, требований морали, правил общежития. В ней отсутствует аналогичная информация о каком либо конкретном лице или группе людей. В этой фразе отсутствует оскорбительная характеристика какого-либо конкретного лица, в ней нет неприличной, обценной лексики». На основании этого вывода ЛЭКТ судья должен был бы принять решение о том, что поскольку, по дан-

ным лингвистической экспертизы, в инкриминируемой фразе отсутствуют лингвистические показатели порочащей информации, а также оскорбления, постольку фраза не унижает или не воспринимается как унижающая честь и достоинство истицы Ю. Прокофьевой. А следовательно, иск следовало бы отклонить.

Особая лингвоэкспертная проблема – поликодовый характер текстов массовой коммуникации, что требует привлечения приемов истолкования и анализа их визуально-изобразительных компонентов [Кара-Мурза 2008: 162-174].

15) В 2007 г. члены ГЛЭДИС проф. Ю.А. Бельчиков, доц. Е.С. Кара-Мурза и проф. А.С. Мамонтов произвели по поручению председателя Правления Гильдии проф. М.В. Горбаневского комиссионную лингвистическую экспертизу журналистских статей. Запрос на производство экспертизы поступил из московского Центра экстремальной журналистики. Журналистка Н-ва из газеты «-ские Вести» обвинялась истицей 3-ней в совершении правонарушения – унижения чести, достоинства и деловой репутации истицы, которое, по мнению истицы, было совершено путем публикации в газете «-ские Вести» № 76 от 27.10.2005 г. статьи **«Уголовные дела публичных персон»** и в № 5 от 20.01.2006 г. статьи **«Надежда юношей питает, и не только их...»**. Истица инкриминировала целый ряд фраз, а также помещение в статье под заголовком **«Надежда юношей питает, и не только их...»** фотографии 3-ней Н.В. с надписью **«Кто вы, мадам 3-на?»**

Это была фотография 3х4, как на документах. Истица – неудавшийся мэр районного центра – во время предвыборной кампании опубликовала в местной газете агитационный материал о себе, иллюстрированный такой фотографией. В это же время газета опубликовала разоблачительный материал под названием **«Уголовные дела публичных персон»** о судимостях нескольких претендентов на пост мэра, в котором присутствовал намек на неблагоприятные действия этой претендентки, но сама она не упоминалась. Через некоторое время сомнительной профессиональной деятельности Н. 3-ней, которой занимались местные правоохранительные органы, газета посвятила большую критическую статью **«Надежда юношей питает, и не только их...»**, иллюстрированную той самой фотографией. Экспертиза показала, что в обеих публикациях отсутствовали показатели инкриминированных преступлений. В частности, что иллюстративный комплекс: фотография на документы и подпись к ней, представляющая собой трансформацию прецедентной фразы «Кто вы, доктор Зорге?», не имеет неприличной формы и не несет оскорбительного смысла. Конечно, с помощью этой иллюстрации журналистка намекала, что читатели газеты=жители города не имеют полной информации о Н. 3-ней, но хотели бы знать больше, что Н. 3-на скрывает что-то важное от жителей города, который собиралась воз-

главить. И этот намек (и другие использованные журналистской риторические приемы, корректные с правовой и деонтологической точки зрения) задел истицу. Но коммуникативная стратегия намек, выраженного образными полисемиотическими средствами, неподсудна. Журналистка была оправдана.

Отметим, что поликодовый характер имеет и агитационная продукция, активно использующаяся в политической коммуникации, в том числе в ее противоправных, экстремистских проявлениях.

16) (Ъ, 11.07. 07) «Местных» могут лишить регистрации. Акцию «Не дадим рулить мигрантам» проверит Генпрокуратура Председатель Мосгордумы В. Платонов обратился в Генпрокуратуру с просьбой проверить акцию против таксистов-нелегалов на предмет разжигания межнациональной розни (по ст. 282 УК). В ходе акции раздавались листовки, в которых говорилось, что «в сфере частного извоза происходит большое количество преступлений». Иллюстрация – фотография, на которой девушка отчетливой славянской внешности демонстративно отказывается от услуг водителя отчетливой восточной внешности. Как словесный ряд – лозунговый характер названия акции, в котором проявляется интолерантность, так и изобразительные приемы (семиотика человеческой внешности, семиотика социального интолерантного сюжета) помогают правоведам определить истинный характер этой акции.

Проблема именно в том, что, несмотря на наличие субъективного чувства униженности и оскорбленности, суд может возбуждать дело только при наличии объективных лингвистических показателей порочащих сведений. И это правильно, учитывая суровый – уголовный – характер статьи, по которой проходит оскорбление. Если же объективных показателей нет, значит, дело не возбуждается. В сложных случаях экспертиза доказывает суду и истцу со всеми лингвистическими выкладками, что таковых показателей действительно нет.

КЛЕВЕТА связана с диффамацией теснейшим образом: и здесь, и там унижение чести, достоинства и деловой репутации обусловлено распространением порочащих сведений. Клевета отличается от диффамации наличием **УМЫСЛА** – субъективной стороны преступления, юридизированного психологического состояния. Но относительно клеветы к экспертам обращаются редко. Главный квалифицирующий признак – умысел – устанавливается только судом, хотя это состояние адекватно описывается в терминах коммуникативной лингвистики как коммуникативное намерение, интенция, которое в тексте обнаруживается как его жанрово-дискурсивная целеустановка, а на уровне высказывания \ речевого акта, в том числе в диалогическом единстве, – как иллюкутивная функция (сила, значение). А экспертиза может

по данному деликту только указать фактологические верифицируемые контексты, чтобы судьи могли точнее различить, какой именно фрагмент текста может содержать клеветнические **УТВЕРЖДЕНИЯ** и поэтому инкриминироваться, а какой отображает **МНЕНИЕ** и в силу этого **НЕПОДСУДЕН**.

17) «Ъ», 30.05.08 АМАН ТУЛЕЕВ ОТСУДИЛ У ЗЮГАНОВА ЕЩЕ ПОЛМИЛЛИОНА РУБЛЕЙ \в изложении\ Лидер КПРФ Геннадий Зюганов должен выплатить в качестве компенсации морального вреда губернатору Кемеровской области Аману Тулееву 500 тыс. руб. Решение об этом 29.05.08 вынес суд Центрального района города Кемерово по иску губернатора о защите чести, достоинства и деловой репутации. На президентских выборах 2008 в Кемеровской области Зюганов получил 8,45 % голосов (3 место). После выборов лидер КПРФ заявил, что «губернатор Кузбасса якобы созвал «своих янычар» и обещал снять с должностей руководителей тех городов и районов, избиратели которых отдадут за кандидата Зюганова больше 10%». Аман Тулеев счел это клеветой и обратился в суд. Вадим Соловьев, руководитель юридической службы КПРФ, пообещал обжаловать это решение, т.к. сумма взыскания слишком велика. «Мы рассматриваем это как целенаправленную кампанию травли, которая сейчас началась против Зюганова и связана с его выступлением против Путина и оспариванием КПРФ результатов думских выборов». Это было уже второе в 2008 г. проигранное дело Г.Зюганова, инициированное его бывшим соратником по партии. Первый суд Тулеев выиграл 12.02.08: 450 тыс. руб. за заявления главы компартии в эфире «Эха Москвы» и за публикацию «Прагматический расчет» в газете «МК» в Кузбассе».

АиФ, № 49, декабрь 2008 \шапка полосы\ **Власть** \надзаголовок\ **ГЛАВНОЕ**

- За что у Зюганова вычли из зарплаты? Писали, что суд обязал Геннадия Зюганова выплатить кемеровскому губернатору Аману Тулееву за оскорбление миллион рублей. Рассчитался ли лидер КПРФ? Т.Скоркин, Липецк

ОТВЕЧАЕТ сам Геннадий ЗЮГАНОВ: Уже половину моей октябрьской зарплаты в Госдуме арестовали! Но это незаконно – Верховный суд еще до конца мое дело не рассмотрел. Я вообще за последние годы был вынужден провести около 1600 судов. Дело не в иске Амана Тулеева, а в том, что глава крупного региона судится с политической партией и ее лидером за пять слов о том, что в Кузбассе «торжествует криминал» и что «нет свободных выборов». Суд припаял мне 500 тыс. за первые слова и 450 тыс. за вторые. Считаю, что это прецедент расправы над политической партией и ее лидером.

Это яркий пример вариативной интерпретации действительности [Баранов 2007: 174-179]: оппозиционный деятель в свою пользу толкует политическую составляющую информационно-

го спора. Те фразы, которые цитирует Г. Зюганов, на мой взгляд, ни под клевету, под оскорбление не попадают, так как не содержат фактологических сведений об истце А.Тулееве и не выражены в неприличной форме. «В Кузбассе торжествует криминал и нет свободных выборов» – это интерпретирующие констатации с имплицитной негативной оценкой, это образец МНЕНИЯ, комментария, высказываемого политиком по итогам неблагоприятного для него исхода выборов с использованием обобщающих суждений и тропеистических оборотов. Но фраза Зюганова, которую процитировал «Ъ»: «губернатор Кузбасса якобы созвал «своих янычар» и обещал снять с должностей руководителей тех городов и районов, избиратели которых отдадут за кандидата Зюганова больше 10%», содержит в форме утверждения фактологическую информацию, которая может быть верифицирована судом (или должна быть документально подтверждена ответчиком) и признана порочащей, если окажется, что ничего подобного Аман Тулеев не совершал: ведь в этой фразе Г. Зюганов обвинил его в давлении на подчиненных, в попытке использовать административный ресурс для фальсификации результатов выборов, а это поведение противозаконное. Подобный состав признаков «тянет» на диффамацию. Интересно, что было в оригинале инкриминируемого текста? В Сети мне его найти не удалось...

ОСКОРБЛЕНИЕ – это речевое преступление, заключающееся в унижении чести и достоинства через обобщенную характеристику личности в неприличной форме. Оно тоже тесно связано с диффамацией, так что журналисты часто не различают их, не давая заинтересованным читателям адекватно понять суть конфликта. Но это преступления разной степени тяжести: диффамация – это гражданский деликт, а оскорбление – это «уголовщина», как и клевета. Хотя уже давно из юридической и журналистской среды раздаются призывы декриминализовать оскорбление (все-таки слово еще не самое преступное дело!), оно сохраняется в УК РФ, будучи жупелом для речистых, «отвязных» и оппозиционных политиков и журналистов.

Оскорбление объединяет с диффамацией и клеветой перлокутивный эффект этих речевых преступлений, зафиксированный юридически: как и диффамация, оскорбление считается унижением чести и достоинства человека. Отличает его то, что возникает этот эффект не вследствие распространения порочащих сведений, а из-за того, что в адрес человека высказывается негативная оценка в неприличной форме, рассчитанная на оскорбление как на шоковый психологический эффект. Присутствие третьих лиц неважно, однако трансляция в массовой коммуникации усугубляет вину оскорбителя. Здесь, правда, возникает новая проблема: как правило, в журналистском тексте резкая, эпатажная характеристика дается персонажу, во-первых, за-

очно, что снимает такой диагностирующий показатель оскорбления, как оскорбление «в лицо». Во-вторых, в публицистике оценка дается, как правило, в рамках не оскорбительной, а обличительной целеустановки: публицист критикует политика и пытается его вразумить или разоблачает в глазах аудитории.

Но если доказана неприличная форма социально значимой оценки, даже самые лучшие намерения не могут спасти инвектора. Этим термином в ЛЭ обозначается тот, кто наносит оскорбление, соответственно оскорбленный обозначается как инвектум, а бранная, ругательная фраза – это инвектива. Коммуникативный феномен брани и оскорбления (изучаемый также под метафорическим именем вербальной=словесной агрессии) был проблематизирован в работах ярославского ученого В.И. Жельвиса; в его трудах понятие сквернословия обрело социолингвистический и психолингвистический статус [Жельвис 1992]. Он определил инвективу как «такой способ осуществления вербальной агрессии, который воспринимается в данной семиотической (под)группе как резкий или табуированный. В несколько ином ракурсе инвективой можно назвать вербальное (словесное) нарушение этического табу, осуществленное некодифицированными (запрещенными) средствами» [Жельвис 2000: 225]. Об этом много писали ученые сибирской и московской лингвоэкспертных школ [Галяшина, Горбаневский, Стернин 2005: 24-39; Саржина 2007: 257-267]. Можно утверждать, что в работах лингвистов-экспертов была выявлена особая функция языка \ речи – ИНВЕКТИВНАЯ, важная именно своим правовым измерением.

Понятие «неприличной формы» было конкретизировано в списке ИНВЕКТИВНОЙ ЛЕКСИКИ, состоящем из 7-8 пунктов, в книге «Понятия чести и достоинства, оскорбления и ненормативности в текстах права и массовой коммуникации», 1996 [Понятия чести... 2004: 9-116]. Мне кажется важным отметить в нем шкалированность оскорбительной силы выражений пропорционально их этической неприемлемости. Его «возглавляет» обсценная, табуированная лексика (как принято в современной лингвистике называть матерщину); при этом учитывается и возможность не бранного, а междометного ее употребления; оно числится по разряду административных правонарушений. Далее идут зооморфные метафоры (козел, петух, свинья, гад и гадина); слова, в основе семантики которых резко негативная этическая оценка (негодяй, мерзавец, двурушник); «социоморфные» метафоры (палач, мясник, барин, барыня); слова, обозначающие антиобщественную, социально осуждаемую деятельность (бандит, мошенник, проститутка); эвфемизмы к этой группе (киллер, путана, «интердевочка»). Группа слов, к которой носители языка проявляют особую чувствительность, – каламбурные окказионализмы, направленные на унижение и

оскорбление адресата (*коммуняки, дерьмократы, прихватизация*). К инвективной лексике исследователи относят и глаголы осуждающей семантики, в том числе стилистически маркированные (*украсть, хапнуть, спереть*).

18) «Время новостей», 14.02.08 \«анонс в форточке» на 1-й полосе газеты\

1) **«ОЧЕНЬ ТАЛАНТЛИВАЯ СВОЛОЧЬ» В ДАМАСКЕ УБИТ ГЛАВА СЛУЖБЫ БЕЗОПАСНОСТИ «ХИЗБАЛЛЫ», КОТОРЫЙ БЫЛ В ЧЕРНЫХ СПИСКАХ 42 СТРАН**

/заголовок с подзаголовком/ **КОНЕЦ Гиены**
В Дамаске взорван боевик, похищавший советских дипломатов \сам текст\ Ливанская шиитская организация «Хизбалла» обвинила вчера Израиль в убийстве главы ее службы безопасности, а ее бейрутский канал сообщил: «С гордостью объявляем, что великий лидер джихада в Ливане брат-командир Имад Мугние-хаджи присоединился к мученикам в раю». (...) *Имад Мугние, известный по прозвищу Гиена*, числился в черных списках 42 стран, в том числе Израиля, США и членов Евросоюза. Его обвиняли в организации в 1983 г. взрывов посольств США, казарм американских морпехов и французских миротворцев в Ливане – тогда погибло свыше 350 человек, а также в похищении десятков иностранцев в этой стране. (...) В российских спецслужбах считают, что Гиена был причастен к похищению в Ливане в 1985 г. пяти советских дипломатов и к убийству одного из них. «*Это очень талантливая сволочь. Его ум и энергию – да в мирных бы целях*», – рассказывал еще в 2001 г. «Времени новостей» бывший резидент КГБ в Бейруте Юрий Перфильев. По данным Перфильева, Мугние начинал как боевик «Хизбаллы» и находился в тесной связи с палестинским лидером Ясиром Арафатом. Но потом *Гиена* начал действовать самостоятельно.

2) Сравним подачу той же новости в тот же день в газете «Ъ»: **«АНОНИМНАЯ ЛИКВИДАЦИЯ»** – никаких прозвищ и ругательств, начиная с заголовка. Изложение идет в сугубо информационном ключе.

3) Сравним: журнал «ВИТРИНА» № 5, 2002, рубрика «СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ. НАЧИСТОТУ О ЧИСТОТЕ»; в материале под названием **«ГИЕНЫ ПЕРА»**: «(...) В статье об изяществе русского языка известный журналист Алла Боссарт тоже уделила внимание тонкостям русской речи: «Шанская Тамара Васильевна, несгибаемый магистр языка, как бы насмешили ее нынешние дебаты о чистоте речи! Ее, предложившую нам на семинаре задание: подобрать синонимы в слову «задница». Мы никак не могли дотянуть до десятка, радостно вспомнив и «ж...», и «мускулюс глутеус»... А «афедрон»? – грозно спросила Тамара Васильевна, подбоченившись. – Пушкина читали, гиены пера?» (...).

4) СРАВНИМ: «НГ», 06.09.07 **Михаил Барщевский: «Все остальные – шакалы поли-**

тического поля...» «Гражданская сила» не считает себя спойлером

\лид\ Восхождение «Гражданской Силы» к вершинам политики началось совсем недавно, однако эта структура уже намерена завоевать добрую четверть электората на декабрьских выборах. Обоснование амбиций – в интервью «НГ» лидера ГС, адвоката Михаила Барщевского.

- Михаил, как Вы оцениваете перспективы вашей партии на выборах?

- (...) Сегодня мы имеем три реально существующие, действующие партии со своей позицией, тогда как все остальные – шакалы политического поля, готовые перебежать и подъехать где что получится, получать голоса любым способом. Взять, к примеру, переход Митрофанова из ЛДПР в «Справедливую Россию». Есть реальные партии, имеющие свои идеологии. Это КПРФ. Есть структура с позицией консервативно-центристской – «Единая Россия». И есть наша партия, отражающая правые настроения. Что касается СПС – эта, казалось бы, правая партия, во всяком случае декларирующая себя таковой, на деле оказывается левее коммунистов. Они «левые» левые. «Яблоко» – левая, но при этом демократическая, т.е. она партия социал-демократическая. (...)

Эти четыре примера примечательны тем, что них присутствуют выражения сразу из двух «жестких» разрядов инвективной лексики – относящиеся к зооморфной метафоре (*гиены, шакалы*) и к этическим инвективам (*сволочь*), а также свежезаимствованное негативнооценочное слово *спойлер*, находящееся в литературной речи. Рассмотрим их конфликтогенный потенциал, притом что эти контексты не были, да и вряд ли будут объектом судебного рассмотрения (за исключением, пожалуй примера № 4).

Этическая максима «О мертвых либо хорошо, либо ничего» практически не работает в политическом дискурсе. Но мне кажется противоречащим профессиональной этике журналиста выносить на первую полосу интеллигентского ежедневного издания такой заголовок «горячей новости» о гибели террориста. Оксюморная характеристика убитого **«ОЧЕНЬ ТАЛАНТЛИВАЯ СВОЛОЧЬ»** вполне укладывается в рамки заочного, более того, загробного оскорбления: словарные толкования выявляют негативнооценочные значения «Скверный, подлый человек, негодяй» и сильную стилистическую (лингвотическую) маркированность: «груб.» в (БТС 2000: 1163) и «груб.-прост.» в (ТСНЛРЯ 2003: 767). В то же время зооморфная метафора ГИЕНА, работающая как кличка, не позволяет однозначно трактовать ее как пейоративную, в том числе потому, что зооморфные метафоры имеют этнокультурное обоснование и групповую мотивировку. По данным «Московского комсомольца» (01.09.08, статья «Маккейн подобрал себе Сару»), кандидат в вице-президенты США Сара Палин в школьные годы, будучи успешной спортсменкой, получила почетное прозвище

«барракуда». Во всяком случае, выражение «гиены пера» применительно к студентам-журналистам в устах незабвенной Тамары Васильевны Шанской наверняка понималось не как инвектива (брань), а как антифразис (как дружеская критика, немножко подначка), т.е. не имело оскорбительной интенции и не несло оскорбительной, инвективной иллокутивной силы. А в БТС «гиена З. Бранно. О жадном, коварном человеке» – отчетливый пейоратив, но не неприличный, локализующийся явно в интеллигентском узусе, т.е. в литературном языке.

С другой стороны, сюжет интервью с М.Барщевским показывает зарождение и развитие коммуникативного конфликта, который был зафиксирован в заголовочном комплексе: услышав предположение о спойлерском характере новообразованной правой партии, лидером которой он является, адвокат «возвращает обвинение», адресуя его старым партиям, в том числе либеральному СПС. Контекст дает понять, что инвектива направлена против партий в целом, а не против их отдельных членов, и адресована читателям «Независимой газеты» не только в их качестве интеллектуалов, но и как потенциальным избирателям. А если взглянуть с точки зрения единственного персонально упомянутого политика – А. Митрофанова из ЛДПР, то нет ли у него возможности возбудить иск об оскорблении его и/или о диффамации? Ведь он упомянут в обидном контексте, выполняющем логико-композиционную функцию примера, иллюстрации к инвективному тезису о «шакалах»! Полагаю, что такой иск тоже не имел бы перспективы: в этом интервью политическая борьба в форме газетной критики идет не на уровне персоналий, а на уровне организаций, что доказывается текстлингвистическим анализом. А инференции, ассоциации, возникающие у персонажа и, чего он опасается, могущие возникнуть у читателей, в диффамационных делах не учитываются.

СЛОВЕСНЫЙ ЭКСТРЕМИЗМ. Лингвистические признаки экстремизма изучаются давно и плодотворно: еще в 1999 г. Генпрокуратура подготовила Методические рекомендации «Об использовании специальных познаний по делам и материалам о возбуждении национальной, расовой или религиозной вражды». До сих пор это серьезная опора для лингвоэкспертной деятельности. За прошедшие годы сформировались и активно работают общественные антиэкстремистские исследовательские центры, например Центр «Сова»; на основании их многочисленных публикаций понятия «язык вражды» и «словесный экстремизм» вошли в обиход журналистов и политиков – тех, кто находится в «зоне риска» и должен относиться к этому с полной ответственностью. Серьезным вкладом в разработку алгоритмов лингвистической экспертизы в данной проблемной области стала книга одного из основателей ГЛЭДИС, доктора филологических и юридических наук, профес-

сора Е.И. Галяшиной «Лингвистика VS экстремизм. В помощь судьям, следователям, экспертам» [Галяшина 2006].

Под состав преступления, ответственность за которое предусмотрена в ст. 282 УК РФ применительно к злоупотреблению свободой массовой информации, подпадает такая информация, которая содержит отрицательную эмоциональную оценку и формирует негативную установку аудитории в отношении определенной этнической (национальной), расовой (антропологической), конфессиональной (религиозной) группы или отдельных лиц как членов этой группы, подстрекает к ограничению их прав или насильственным действиям против них, порождает напряженность в обществе, нетерпимость к сосуществованию людей разных рас, национальностей и вероисповеданий, поскольку создает благоприятную почву для межнациональных и межконфессиональных конфликтов. Диспозиция статьи 280 УК РФ предусматривает ответственность за явно выраженные публичные призывы, т.е. политические лозунги, в лаконичной форме выражающие руководящую политическую идею, требование, побуждающие читателей или слушателей к осуществлению экстремистской деятельности.

19) \В сквере у кинотеатра «Баку» представителей НДПР (Национал-державной партии России) и активисты ДПНИ митинговали против установления памятника Гейдару Алиеву\ «Митинг открыл Александр Белов. «Азербайджанцы паразитируют за наш счет, мы их в гости не звали, а этим памятником они решили застолбить себе место в Москве», – кричал он, забравшись на постамент для памятника. Оратора поддерживали криками: «Верните Россию русским!» «Сегодня они занимают кинотеатры, а завтра будут выгонять нас из домов, – продолжил г-н Белов. – Слава России!» Призыв поддерживали и местные жители. «Второе поколение азербайджанцев уже тут торгует редиской и зеленью, – сообщил мужчина в очках, представившийся Борисом Смирновым. – Надо с этим кончать!» Покричав еще с полчаса «Россия для русских!», активисты ДПНИ и НДПР разошлись, так и не сумев привлечь внимания дежуривших в сквере милиционеров» (Ъ, 23.06.06)

Квалифицирующим признаком иотягающим обстоятельством данного преступления является совершение публичных призывов с использованием средств массовой информации» [Галяшина 2006: 27]. Экстремистские материалы – это предназначенные для обнародования документы либо информация на иных носителях, призывающие к экстремистской деятельности либо обосновывающие и оправдывающие ее необходимость, в том числе труды руководителей НСДАП или фашистской партии Италии, публикации, обосновывающие или оправдывающие национальное и/или расовое превосходство либо оправдывающие военные

или иные преступления, направленные на полное или частичное уничтожение какой-либо этнической, национальной, социальной или религиозной группы [Галашина 2006: 31].

Особым риторическим приемом, зафиксированным в законе как проявление словесного экстремизма, является оправдание экстремистской деятельности и обвинение властей или общества, к которому прибегают ответчики или их доброхоты.

20) (Ъ, 29.12.06) Горсуд г. Бердска Новосибирской области вынес приговор трем скинхедам, нападавшим на гастарбайтеров. В последнем слове А. Калинин *«обвинил власти страны в том, что закрыв дворцы молодежи и клубы по интересам, они предоставили молодых людей самим себе. «Государство вышвырнуло нас на улицу. Разве это не преступление? – вопрошал он».* Одно из нападений он *«охарактеризовал как «чистой воды вендетту»: скинхеды якобы мстили гастарбайтерам за то, что те якобы изнасиловали русскую девушку, а затем избили ее парня, который пытался за нее вступить».* *«Полный беспредел закона, – резюмировал подсудимый Калинин».*

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. Лингвистическая экспертиза – это прикладное направление со специфическими целями и задачами, аналитическими процедурами и результатами, где достижения разных наук о языке и о речевой коммуникации поставлены на службу правосудию. Конечная цель лингвистической экспертизы, как уже отмечалось, состоит в обеспечении адекватного судебного решения по таким делам, где основной или единственный состав преступления заключается в речевом проступке, в создании и распространении некоторых типов текстов, а также в их воздействии на конкретного адресата, на целевую или массовую аудиторию.

С лингвистической точки зрения, лингвистическая экспертиза – это процедура герменевтического характера, призванная выявить подлинный смысл конкретного конфликтогенного текста в соответствии с его жанрово-дискурсивным характером в конситуации, а высказывания – в контексте. В настоящее время в практике лингвистической экспертизы текст интерпретируется комплексно, через несколько современных дискурсивно-когнитивных дисциплин: это основные коммуникативные понятия «поякобсоновски» и теория речевых актов, традиционные подходы стилистики жанров и функциональной стилистики и современная российская генристика, теория массовой коммуникации и лингвосомиотика. В случае анализа журналистского и/или политического выступления лингвисты-эксперты должны обнаружить его новостной повод, сформулировать тематику и проблематику, проанализировать сюжет и систему персонажей, среди которых видное место, как правило, главного негативного персонажа занимает истец. Эксперты должны адекватно истолковать суду коммуникативное намерение,

замысел автора и объяснить особенности воздействия текста, другими словами – перлокутивные эффекты, на два разных адресата: отрицательного персонажа текста = будущего истца и на массовую аудиторию, в отношении и поведении которой (в согласии или в несогласии с посылом) отображается воля политических деятелей.

Эти текстлингвистические комментарии к тексту являются не больше чем подготовительными процедурами к собственно анализу инкриминированных контекстов. Лингвистическая экспертиза как герменевтическая процедура представляет собой средостение между собственно правовой процедурой выявления признаков преступления и квалификации на их основе некоторого события или поступка как преступного деяния или как неподсудного и между анализом текста в традиционных терминах текстлингвистики, функциональной стилистики, теории речевых актов, литературоведения, текстологии и проч. Главное – что эта посредническая роль лингвистической экспертизы потребовала формирования особой лингвометодической концепции, ряда аналитических процедур и системы специальных понятий – как универсальных, так и специфических для разных видов речевых преступлений.

Лингвистическая экспертиза является не только одним из инструментов судебного доказательства, но и одним из прикладных направлений современного языкознания, которое находит применение и в области изучения политического дискурса. В речевых преступлениях материализуются противоречия – лично между политиками и между политическими организациями, в том числе между властью и гражданским обществом, между проправительственными и антиправительственными силами, реализуясь через политический дискурс. Лингвисты-эксперты истолковывают политические тексты на предмет наличия или отсутствия экстремистских утверждений и призывов, грозящих основам российской государственности, а также дискриминационных высказываний, нарушающих основные конституционные права личности. Будучи неангажированным, объективным исследованием, как и надлежит научной процедуре, она по-своему, как доказательное средство правосудия, способствует укреплению правового характера отечественной институциональной коммуникации. Однако в ряде случаев лингвистическая экспертиза используется во зло – как способ сведения счетов, для дискредитации, судебного преследования и даже наказания политического противника или носителя оппозиционного мнения.

На повестке дня стоит совершенствование лингвистической экспертизы в нескольких направлениях. Во-первых, это теоретическая и практическая работа по стандартизации и унификации во всероссийском масштабе процедур анализа, ориентированных на конкретные ре-

чевые правонарушения, отображенные в отечественном законодательстве. Это нужно, чтобы обеспечить валидность, верифицируемость результатов экспертиз и исключить непрофессионализм и произвол, из-за которых (хотя и не только из-за них) могут быть вынесены неправо судные приговоры.

Во-вторых, это – как знамение времени – возникновение все новых независимых экспертных организаций, самые первые и авторитетные из которых – возникшие в 2001 г. в Москве ГЛЭДИС (организатор и председатель Правления – д.ф.н., проф. М.В. Горбаневский) и в Барнауле (а теперь и в Кемерове) – АЛЭП «Лексис» (научный руководитель и вдохновитель – д.ф.н., проф. Н.Д. Голев).

В-третьих, для подготовки лингвистов-экспертов возникают новые вузовские специализации (в дополнение к тем, которые ориентированы на традиционные экспертизы и уже давно существуют в рамках прикладной лингвистики или криминалистической психолингвистики). Овладение ЛЭ-терминологией и ЛЭ-методикой, специализация в качестве лингвиста-эксперта до недавних пор происходили *post graduate*, в формате теоретико-прикладных исследований, начинающихся как *case study* и восходящих к обобщениям, в том числе через обмен экспертным опытом. К настоящему времени ЛЭ преподается в вузах как на филологической базе, так и на юридической.

На филологической базе формируется специальность «Лингво-криминалистика» (например, в Нижегородском университете), а на юридической – «Судебная экспертиза». Экспертов-речеведов с 2005 года начал готовить Институт судебных экспертиз в рамках МГЮА (Московской государственной юридической академии). ИСЭ и одноименную кафедру в МГЮА возглавляет проф., д.ю.н. Е.Р. Россинская, крупный отечественный специалист по судебной экспертизе, а зам. зав. кафедрой – проф., д.ю.н., д.ф.н. Е.И. Галяшина, основательница ГЛЭДИС (наряду с М.В. Горбаневским).

Наконец, в-четвертых, немаловажное значение имеет популяризация проблематики ЛЭКТ в широкой лингвистической аудитории. Чем больше специалистов будет вовлечено в сферу ЛЭ, тем быстрее количество прецедентов и исследований перейдет в качество, что будет иметь не только практическое, но и социальное значение. Здесь хотелось бы особенно отметить многолетнюю научно-просветительскую деятельность Лаборатории устной речи и юрислингвистики филологического факультета Алтайского университета (науч. рук. проф. Н.Д. Голев), которая началась в конце 90-х гг. XX в. изданием сборника «Юрислингвистика»; в его юбилейном 10-й выпуске в 2009 г. будут по традиции принимать участие эксперты из многих регионов России, ближнего и дальнего зарубежья.

Итак, лингвистическая экспертиза представляет собой не просто процедуру, которая способствует выявлению речевых преступлений в разных сферах социальной коммуникации, в том числе в политическом дискурсе, а особое направление прикладной лингвистики, которое позволяет обнаружить новые, существенные свойства политической коммуникации и соответствующего дискурса, а также стимулирует поиски в новой области коммуникативистики – в лингвистической конфликтологии.

ЛИТЕРАТУРА

- Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. – М., 1988.
- Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста. – М., 2007.
- Базылев В.Н., Бельчиков Ю.А., Леонтьев А.А., Сорокин Ю.А. Понятия чести и достоинства, оскорбление и ненормативности в текстах права и массовой коммуникации. – М., 1996.
- Бельчиков Ю.А. Лингвистическая судебная экспертиза – целенаправленное герменевтическое исследование. – Спорные тексты СМИ и спорные иски. Публикации. Документы. Экспертизы. Комментарии лингвистов. – М., 2007. С. 15-20.
- Белянин В.П. Психологическое литературоведение. Текст как отражение внутренних миров автора и читателя. – М., 2007.
- Бринев К.И. Юридическая лингвистика и лингвистическая семантика (на материале категорий *сведение и мнение, оценка, факт*) // Юрислингвистика IX. Истина в языке и праве. – Барнаул, 2008. С. 194-211.
- Войниканис Е.А. Язык СМИ: правовые проблемы // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования: Учебное пособие. Часть 2. – М., 2004. С. 207-219.
- Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. – М., 1985.
- Втайне от народа. Как законы об «оскорблениях» ограничивают общественный контроль над деятельностью государственных чиновников. Что по этому поводу можно предпринять. – М., 2002.
- Галяшина Е.И. Основы судебного речеведения. – М., 2003.
- Галяшина Е.И. Лингвистика vs экстремизм. В помощь судьям, следователям, экспертам. – М., 2006.
- Галяшина Е.И., Горбаневский М.В., Стернин И.А. Лингвистические признаки диффамации в теории и практике судебных лингвистических экспертиз // Взгляд. Ежеквартальный аналитический бюллетень. – М., 2005. № 1 (6). С. 24-39.
- Гильдия лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам. Официальный сайт. www.rusexpert.ru
- Голев Н.Д. Юрислингвистика: на стыке языка и права // Юрислингвистика 1: Проблемы и перспективы. – Барнаул, 1999. С. 4-11.
- Голев Н.Д. Самоопределение юридической лингвистики в России // Юрислингвистика VIII: Русский язык и современное российское право. – Барнаул, 2007. С. 7-14.

Голев Н.Д., Матвеева О.Н. Лингвистическая экспертиза: на стыке языка и права // Юрислингвистика VII: Язык как феномен правовой коммуникации. – Барнаул, 2006. С. 168-185.

Демьянков В.З. Семиотика событийности в СМИ // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. Учебное пособие. Часть 2. – М., 2004. С. 68-83.

Жельвис В.И. Слово и дело: юридический аспект сквернословия // Юрислингвистика-2: Русский язык в его естественном и юридическом бытовании. – Барнаул, 2000. С. 223-235.

Жельвис В.И. Поле брани. Сквернословие как социальная проблема. – М., 2001.

Зализняк А.А. Компоненты семантической структуры предикатов внутреннего состояния // Зализняк А.А. Многозначность в языке и способы ее представления. – М., 2006. С. 478-496.

Засурский Я.Н., Кара-Мурза Е.С. «Направлены ли приведенные в листовке фразы на разжигание расовой, национальной и религиозной розни?» // Юрислингвистика IX. Истина в языке и праве. – Барнаул, 2008. С. 312-334.

Информационные споры: как в них победить? Решения, рекомендации, экспертные заключения Судебной палаты по информационным спорам при Президенте РФ. – М., 2002.

Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. – Омск, 1999.

Кара-Мурза Е.С. В помощь редакторам: лингвисты-эксперты о предвыборной информации и агитации // Обреченные на немotu? СМИ в период выборов: законы, комментарии, рекомендации. – М., 2003. С. 119-152.

Кара-Мурза Е.С. Функциональная стилистика рекламы как вузовский спецкурс для медиаспециалистов // Русский язык: исторические судьбы и современность: III Международный конгресс исследователей русского языка. Труды и материалы. – М., 2007.

Кара-Мурза Е.С. Политический дискурс через призму лингвистической экспертизы // Политический дискурс в России–Х. X юбилейный всероссийский семинар 20 апреля 2007 г. – М., 2007. С. 101-118.

Кара-Мурза Е.С. Лингвосемиотические аспекты законодательной и деонтологической регуляции рекламы // Юрислингвистика IX. Истина в языке и праве. – Барнаул, 2008. С. 162-174.

Кара-Мурза Е.С. «Дева Обида» политического дискурса: речевые преступления в аспекте эмотиологии // Современные проблемы политической лингвистики. – Волгоград, 2009 (в печати).

Монахов В.Н. Афродита и Феникс. Размышления о современности в обрамлении персонажей легенд // Информационные споры: как в них победить? Решения, рекомендации, экспертные заключения Судебной палаты по информационным спорам при Президенте РФ. – М., 2002. С. 363-391.

Обреченные на немotu? СМИ в период выборов: законы, комментарии, рекомендации. – М., 2003.

Осколкова Н.В. Типовые вопросы к экспертам-лингвистам: читаем вместе // Юрислингвистика

VIII. Русский язык и современное русское право. – М., Барнаул. С. 382-393.

Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» // Взгляд. Ежеквартальный аналитический бюллетень. – М., 2005. № 1 (6). С. 5-18.

Правовые и этические нормы в журналистике / Сост. Е.П. Прохоров. – М., 2007.

Ратинов А.Р. Послесловие юриста. «Когда не стесняются в выражениях...» // Понятия чести, достоинства и деловой репутации. Спорные тексты СМИ и проблемы их анализа и оценки юристами. Изд. 2, перераб. и доп. / Под ред. А.К. Симонова и М.В. Горбаневского. – М., 2004. С. 101-116.

Рождественский Ю.В. Теория риторики. – М., 1997.

Россинская Е.Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе. – М., 2008. с. 384-406.

Саржина О.В. Оскорбление словом (инвектива) и агрессивный дискурс // Юрислингвистика VIII. Русский язык и современное российское право. – Барнаул, 2007. С. 257-267.

Скрытое эмоциональное содержание текстов СМИ и методы его объективной диагностики / под ред. А.А. Леонтьева, Д.А. Леонтьева. – М., 2004.

Смирнов А.А. Заметки о лингвистической экспертизе (менталитет юристов и лингвистическая ментальность) – Текстология Ру. Публикации. – www.textology.ru.public/lawyer.http/tis 2004

Степанов Ю.С. Дискурс, Факт и Принцип причинности... – Язык и наука XX-го столетия. – М., 1995.

Теория и практика судебной экспертизы в гражданском и арбитражном процессах. Научно-практическое пособие / Под ред. Россинской Е.Р. – М., 2006.

Федотов М.А. Правовые основы журналистики. Учебник для вузов. – М., 2002.

Цена слова. Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по защите чести, достоинства и деловой репутации / Под ред. М.В. Горбаневского. – М., 2002.

Чудинов А.П. Политическая лингвистика. Учебное пособие. – М., 2006.

Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. – М., 2004

Эрделевский А.М. Компенсация морального вреда. Анализ и комментарий законодательства и судебной практики. – М., 2008

Юрислингвистика I-IX. – Барнаул, Кемерово, 1999-2009.

Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. Учебное пособие. Часть 2. – М., 2004.

3. Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С.А. Кузнецова. – СПб., 2000.

Квеселевич Д.И. Толковый словарь ненормативной лексики русского языка. – М., 2003